И. ИЛЬИНЪ

РЕЛИГІОЗНЫЙ СМЫСЛЪ ФИЛОСОФІИ

ТРИ РѢЧИ
1914–1923.

Y.M.C.A-PRESS.
PARIS.

И. ИЛЬИНЪ

РЕЛИГІОЗНЫЙ СМЫСЛЪ ФИЛОСОФІИ

ТРИ РѢЧИ
1914—1923

Y.M.C.A.-PRESS.
PARIS.

I

ФИЛОСОФІЯ, КАКЪ ДУХОВНОЕ ДѢЛАНІЕ.

I

Всякій, кто любитъ философію, — а я обращаюсь мысленно къ тѣмъ, которые ее любятъ,—навѣрное, не разъ спрашивалъ себя, откуда это проистекаетъ, какъ это слагается, что въ философіи такое безчисленное множество разнорѣчій, несогласій, неразрѣшенныхъ споровъ, взаимныхъ отрицаній? Отчего это философія, существующая болѣе двухъ съ половиною тысячелѣтій и признающая себя за нѣкое высшее, лучшее, безусловно достовѣрное знаніе, — живетъ доселѣ въ притязаніи на столь великое и съ неопредѣленностью въ своемъ существѣ? Приступающіе къ ея изученію нерѣдко выносятъ и осуществляютъ убѣжденіе въ томъ, что именно это обиліе разногласій и безплодныхъ споровъ отдаетъ философское творчество въ распоряженіе личнаго произвола и усмотрѣнія; что философствованіе есть дѣло субъективнаго вкуса, личной склонности, личнаго настроенія; что всякій философствуетъ сообразно своимъ влеченіямъ и симпатіямъ, и что никто не въ правѣ мѣшать другому въ этомъ занятіи: вѣдь, все равно, общеубѣдительной истины нѣтъ, или, что (якобы) то же самое, она не находима, или, во всякомъ случаѣ, *еще не найдена*; но, если бы даже ее вдругъ нашли, эту единую, общеобязательную истину, самоё истину, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что она не встрѣтила бы общаго и полнаго признанія. И вотъ, слагается успокоительная увѣренность въ томъ,

что на нашъ вѣкъ хватитъ сектантскаго духа въ философіи, что не изсякнетъ такъ скоро потокъ распрей и субъективистическихъ построеній, и что въ этой сумятицѣ мнѣній, въ этомъ водоворотѣ разнорѣчій можно будетъ съ успѣхомъ проложить себѣ путь къ «оригинальной» философской системѣ; ибо, какъ говорили еще софисты, истинно то, въ чемъ ты сумѣешь убѣдить другихъ...

Всякая наука имѣетъ свой особый предметъ и судьба ея связана тѣснѣйшимъ образомъ со свойствами этого предмета.

Наука слагается тѣмъ легче и достигаетъ содержательной и формальной зрѣлости тѣмъ быстрѣе, чѣмъ менѣе внутренняго напряженія и умѣнія, чѣмъ меньше душевной и духовной зрѣлости надо для того, чтобы замѣтить и воспринять явленіе ея предмета. Въ этомъ отношеніи безспорное преимущество имѣютъ всѣ тѣ науки, предметъ которыхъ данъ *внѣшнимъ образомъ*, въ чувственно-воспринимаемомъ видѣ «вещи» и «вещественности». Здѣсь, кажется, стоитъ только «взглянуть повнимательнѣе», прислушаться, измѣрить, сравнить одну вещь съ другою, — и вотъ уже первые начатки знанія состоялись. Предметъ, данный съ самаго начала въ видѣ постоянно окружающей насъ матеріальной или вещественной обстановки, доступенъ всякому, у кого есть достаточно досуга, интереса и желанія для того, чтобы сосредоточиться на показаніяхъ зрѣнія, слуха или осязанія и, далѣе, на «безхитростномъ» размышленіи о воспринятомъ.

Въ этой чувственной данности, въ этой внѣшней, тѣлесной наличности того, что для начала признается «изслѣдуемымъ предметомъ», есть нѣкое великое преимущество, котораго лишена философія. Опытное знаніе о веществен-

номъ мірѣ имѣетъ здѣсь нѣкую гарантію того, что разногласія не будутъ безконечны и безмѣрны по діапазону своихъ колебаній. Возможность апеллировать къ легко осуществимому, повторному, — если нужно, то постоянному, — воспріятію наблюдаемой вещи; возможность многократно справляться и провѣрять свои воспріятія, утверждая наличность или отсутствіе извѣстныхъ свойствъ у даннаго предмета,— эта безцѣнная возможность и ея сравнительно легкое осуществленіе облегчаетъ и обезпечиваетъ развитіе естествознанія. Волны субъективной фантазіи, легкомысленнаго произвола и злокачественнаго уклоненія — оказываются не въ состояніи захлестнуть корабль научнаго познанія. Ошибку зрѣнія или слуха исправитъ повторное воспріятіе, экспериментъ или, наконецъ, безстрастная кривая, зачерченная измѣрителемъ.

Мало этого, въ естественныхъ наукахъ прогрессъ и единство знанія поддерживаются еще и угрозой возможныхъ въ будущемъ роковыхъ послѣдствій, порождаемыхъ ошибкою: кажется, что возопіютъ самыя вещи, если ихъ исказитъ или о нихъ умолчитъ человѣческое сознаніе. Здѣсь человѣчество не можетъ и *не смѣетъ* распустить энергію своего вниманія, ослабить волю къ вѣрности знанія, субъективистически исказить подлинное обстояніе: *практическая расплата* приходитъ слишкомъ быстро, обрушивается слишкомъ нещадно, сметая съ лица земли *самую жизнь* людей, допустившихъ ошибку или не исправившихъ ее. Знаніе о внѣшнемъ, вещественномъ мірѣ ограждено какъ бы внутреннимъ, естественнымъ образомъ отъ того бѣдствія, подъ бременемъ котораго страдаетъ философія: *отъ разложенія воли къ предметной истинѣ* и *отъ ослабленія теоретической*

совѣсти. Здѣсь есть нѣкій, безпощадно карающій перстъ: самое земное существованіе человѣка стоитъ въ зависимости отъ его вѣрнаго знанія о внѣшнемъ мірѣ и отъ техническихъ умѣній, выростающихъ изъ этого знанія. Забывающему о требованіяхъ теоретической совѣсти, погрѣшающему этимъ противъ *духа*, матеріальная природа слишкомъ скоро напомнитъ о томъ, что онъ *самъ* существуетъ на землѣ въ видѣ тѣла, и, если онъ не сумѣлъ познавательно господствовать надъ вещью, то онъ погибнетъ, подчиняясь недопознаннымъ законамъ природы...

Эта предметная гарантія осуществляется далеко не съ тою же силою и вѣрностью въ области гуманитарныхъ наукъ, именно постольку, поскольку онѣ изучаютъ не внѣшній, тѣлесный составъ человѣческаго существа, но внутренній, *душевный*. Здѣсь предметъ, въ его первоначальномъ видѣ, данъ внутренно, т. е. уже не въ видѣ пространственно-временной вещи, одинаково доступной многимъ, наблюдающимъ ее со стороны, но въ видѣ субъективно-душевныхъ переживаній, лично испытываемыхъ, у каждаго своеобразныхъ и доступныхъ каждому только про себя и для себя. «Душевное» — не пространственно, не протяженно, не матеріально, хотя оно и длится во времени и потому нерѣдко описывается, какъ «душевный процессъ». Но этотъ процессъ всегда *субъективенъ*, — это есть процессъ или въ субъективномъ сознаніи, или въ субъективномъ безсознательномъ, такъ, что «душевное состояніе» многихъ лицъ всегда представляетъ изъ себя множество субъективныхъ, личныхъ душевныхъ состояній. Для того, чтобы уловить «душу», какъ предметъ научнаго изученія, недостаточно замѣчать и разсказывать то, что человѣкъ безхитростно переживаетъ;

на самомъ дѣлѣ здѣсь нужна гораздо болѣе сложная и тонкая познавательная техника, и, съ этой точки зрѣнія, понятно, что психологія и психопатологія становятся научнымъ знаніемъ только въ девятнадцатомъ и двадцатомъ вѣкѣ, а соціальная психологія, психологическая исторія, и философія доселѣ стоятъ еще подъ знакомъ научнаго сомнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ много еще въ этихъ «наукахъ будущаго» — случайныхъ догадокъ, вѣрныхъ предчувствій, невѣрныхъ предвосхищеній, несобраннаго и недоступнаго матеріала, несистематическихъ, хотя, подчасъ, и глубокихъ интуицій...

Безспорно, что эта трудная уловимость «души», какъ предмета, исправляется нѣсколько *практическими* опасностями и угрозами: ибо воспитаніе, душевное лѣченіе и политика, какъ дѣятельности, основанныя на знаніи о душѣ, о ея «одинокой» и «общественной» жизни, несутъ въ себѣ все таки извѣстныя гарантіи отъ чрезмѣрныхъ уклоненій познающаго *ума* и нѣкоторыя побужденія къ надлежащему напряженію познающей *воли*: люди, душевно измятые уродливымъ воспитаніемъ; люди, безсильно присутствующіе при душевномъ разложеніи близкихъ, или далекихъ, но духовно дорогихъ индивидуальностей (Хёльдерлинъ, Шуманъ, Ничше, Врубель); политическіе правители, пожинающіе плоды созданнаго ихъ невѣжественными или порочными предшественниками духовнаго и нравственнаго разложенія массы, — всѣ эти люди, и мы сами, черезъ знаніе о нихъ, получаемъ практическое напоминаніе и дѣйственный призывъ къ активности и бодрствованію нашей теоретической совѣсти.

Но, несмотря на то, что гуманитарныя науки не лишены

нѣкоторыхъ практическихъ гарантій отъ чрезмѣрныхъ уклоненій отъ истины; несмотря на то, что въ нихъ возможна и предметная провѣрка, — черезъ подведеніе уклонившагося ума къ строгому воспріятію самого предмета, и практическая угроза,—въ видѣ горькихъ послѣдствій, встающихъ въ итогѣ познавательной лѣни или недобросовѣстности; несмотря на все это,—какъ часто приходится здѣсь взывать къ чистой и безкорыстной жаждѣ знать истину, какъ таковую, исключительно ради того, что она сама по себѣ такъ прекрасна и что знаніе о ней само по себѣ такъ радостно. Практическій вредъ, проистекающій отъ ошибокъ въ гуманитарныхъ наукахъ, слишкомъ часто не возвращается на голову того, кто въ нихъ повиненъ; тяжелыя послѣдствія, созданныя ложнымъ ученіемъ о «душѣ», слишкомъ легко распыляются въ окружающей общественной средѣ, настолько, что бываетъ трудно доказать съ наглядностью причинную зависимость между теоретическимъ искаженіемъ и практическимъ бѣдствіемъ. Уже въ гуманитарныхъ наукахъ требованія теоретической совѣсти, во всей ихъ чистотѣ и силѣ, могутъ оказаться въ душѣ изслѣдователя *единственной* гарантіей научнаго уровня.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что требованія теоретической совѣсти и вытекающее изъ нихъ чувство отвѣтственности должны лежать въ основаніи *всякаго* научнаго творчества, какъ таковаго; это опредѣляется самымъ основнымъ заданіемъ, самою единою и единственною цѣлью научной дѣятельности: *познать истинное*, т. е. уловить опытомъ и мыслью подлинное предметное обстояніе. Ученый, который *не* имѣетъ въ виду этого заданія, ученый, который работаетъ не ради этого достиженія, — есть своего рода

трагическій курьезъ или явленіе нравственнаго уродства. Безспорно, практическая дѣятельность во всемъ ея разнообразіи, знаетъ подобныя, и даже еще болѣе рѣзкія уклоненія дѣйствующаго отъ той цѣли, къ которой онъ призванъ. Но, среди этихъ уклоненій, самымъ тягостнымъ по духовнымъ послѣдствіямъ и наиболѣе искажающимъ человѣческую жизнь — является уклоненіе *священнослужителя*, *художника* и *ученаго* отъ чистаго и послѣдовательнаго опредѣленія ихъ дѣятельности содержаніемъ ихъ верховнаго заданія. Эти люди, по самому положенію своему, по роду того дѣла, которому они открыто и сознательно посвятили себя, стоятъ непосредственно лицомъ къ лицу съ тѣмъ *высшимъ, верховнымъ жизненнымъ содержаніемъ, черезъ которое жизнь человѣческая вообще имѣетъ значеніе и цѣнность*. Изъять изъ жизни человѣчества: живое Добро, которое священнослужитель раскрываетъ въ формѣ религіозной очевидности; художественную красоту, осуществленную и осуществляемую въ чувственно-реальныхъ образахъ; и истину, открываемую въ опытѣ научной очевидности, — значило бы превратить ее въ сумятицу инстинктивныхъ влеченій и въ судорожную, озлобленную борьбу за ихъ удовлетвореніе. Жизненное дѣло священнослужителя, художника и ученаго есть трудъ, протекающій въ непрестанномъ *предстояніи* высшему Предмету; ихъ служеніе отличается отъ обычнаго жизненнаго дѣла именно *призванностью*, *непосредственностью* и *непрерывностью*, въ которой они стоятъ предъ лицомъ *послѣдняго* и *безусловнаго*, предъ лицомъ тѣхъ сферъ, гдѣ кончается и отмираетъ все «только человѣческое» и гдѣ открывается подлинное духовное и *божественное* обстояніе.

Въ повседневной житейской суетѣ, въ погонѣ за личной удачей и за удовлетвореніемъ инстинктивныхъ влеченій, — въ ихъ примитивномъ или слегка пріукрашенномъ видѣ, — все это забывается съ чрезмѣрной легкостью, и сознаніе людей, незамѣтно привыкающее къ извѣстному уровню разложенія и порочности, изумляется и негодуетъ только тогда, когда замѣчаетъ дѣянія, изъ ряда вонъ выходящія. Процессъ обыденной жизни вырабатываетъ «скрытыя» и «терпимыя» формы искаженій, и только въ минуту остраго нравственнаго отрезвленія передъ человѣкомъ встаетъ въявѣ ихъ сущность и ихъ значеніе. Если священнослужитель мертвъ въ молитвѣ и корыстенъ въ обрядѣ; если художникъ льстиво служитъ своимъ и чужимъ больнымъ страстямъ; если ученый слагаетъ выводы въ угоду толпѣ или силѣ и непредметно приспособляетъ научное творчество, — то значеніе этихъ явленій имѣетъ всегда свою трагическую глубину. Тѣ люди, которые, по самому основному дѣлу своей жизни, стоятъ ближе всего къ живымъ истокамъ *духовной значительности*; которые взяли на себя непосредственное служеніе раскрытію и осуществленію самого добра, самой красоты, самой истины; которые добровольно пріяли на себя величайшее бремя и съ нимъ величайшую отвѣтственность, — эти люди, если они попираютъ требованія *творческой совѣсти*, являютъ по истинѣ величайшее паденіе, ибо и высота ихъ заданія, и размѣръ ихъ отвѣтственности суть величайшіе.

И вотъ, если это сказано о всякомъ ученомъ, какъ таковомъ, то къ *философу* это должно быть отнесено съ особенною силою и значеніемъ. Ибо, во первыхъ, философъ, единственный изъ ученыхъ, беретъ на себя разрѣшеніе

вопроса о томъ, *что́ есть истина*; подобно священнослужителю, онъ стоитъ постоянно передъ лицомъ *добра*, испытуя его природу и раскрывая другимъ испытанное; подобно художнику онъ имѣетъ дѣло съ самою *красотою*, изслѣдуя ея сущность и обнаруживая пути къ ея осуществленію, узрѣнію и уразумѣнію. Такъ, теорія познанія раскрываетъ природу истины; этика изслѣдуетъ сущность добра; эстетика познаетъ природу красоты. Во вторыхъ, философія, какъ познавательное творчество, есть въ особомъ и углубленномъ смыслѣ *внутреннее дѣланіе* и, притомъ, такое внутреннее дѣланіе, предметъ котораго,— и по сложности, и по значительности своей, и по неуловимости своей для какой бы то ни было внѣшней и механической провѣрки, — требуетъ особой, напряженной *душевно-духовной культуры*, особой остроты и чуткости *теоретической совѣсти*, особой *чистоты ока и воли*. Философія, какъ никакая другая наука, стоитъ передъ послѣдними, самыми углубленными и утонченными, и, притомъ, самыми духовно-значительными проблемами; утверждать что либо въ этой сферѣ — есть дерзаніе, и философъ, больше, чѣмъ кто нибудь, долженъ помнить о размѣрахъ своей отвѣтственности.

Философствованіе, какъ всякая познавательная практика, есть не внѣшнее умѣніе или дѣланіе, но внутреннее; это есть *творческая жизнь души*. Однако это не есть просто душевное, но *душевно-духовное* дѣланіе. Душа не то же самое, что духъ. Душа—это весь потокъ не-тѣлесныхъ переживаній человѣка, помысловъ, чувствованій, болевыхъ ощущеній; пріятныхъ и непріятныхъ, значительныхъ и незначительныхъ состояній; воспоминаній и забвеній, дѣловыхъ соображеній и праздныхъ фантазій и т. д. Духъ, —

это, во всякомъ случаѣ, лишь тѣ душевныя состоянія, въ которыхъ человѣкъ живетъ своими главными, благородными силами и стремленіями, обращенными на познаніе истины, на созерцаніе или осуществленіе красоты, на совершеніе добра, на общеніе съ Божествомъ — въ умозрѣніи, молитвѣ и таинствѣ; словомъ, на то, что человѣкъ признаетъ *высшимъ и безусловнымъ благомъ*. Этимъ различіе между «душою» и «духомъ», конечно, не исчерпывается; но, въ предѣлахъ человѣческаго опыта, оно начинается именно здѣсь. Духъ это то, что *объективно значительно* въ душѣ; и, философствуя человѣкъ живетъ въ сферѣ именно этихъ, объективно значительныхъ состояній. Стать участникомъ въ духовномъ дѣланіи — значитъ, прежде всего, создать въ своей душѣ необходимый уровень внутренней жизни, отсутствіе котораго дѣлаетъ неизбѣжными совлеченіе и пошлость. Тотъ, кто создалъ въ себѣ этотъ уровень, испытываетъ нѣчто, какъ *самое лучшее* и *высшее*, и поставляетъ его надо всѣмъ остальнымъ; но онъ испытываетъ и сознаетъ это лучшее, не какъ лучшее только *для него*, не какъ субъективно наиболѣе пріемлемое, пріятное, но какъ *объективно цѣннѣйшее*, какъ объективно-главное; какъ главное не только для всѣхъ людей, но безотносительно, какъ главное и совершенное *само по себѣ* и *на самомъ дѣлѣ*, такъ, что оно не можетъ потерпѣть ущерба въ этомъ качествѣ своемъ даже и въ томъ случаѣ, если бы никто изъ людей не захотѣлъ признать его, или если бы всѣ отъ него отвернулись и отвергли его совершенно. Это «нѣчто» испытывается притомъ, какъ *бытіе* или какъ *проявленіе* нѣкоего высшаго Предмета, и въ то же время, какъ объективная *мѣра* для всего остального; можетъ быть, какъ самый этотъ Предметъ, *главный* въ жизни

міра и въ дѣлахъ людей. И человѣкъ, обращающійся къ нему, чувствуетъ и всегда долженъ чувствовать себя — стоящимъ *передъ лицомъ Божіимъ*.

Именно за это, въ силу такого своего значенія и совершенства, это «нѣчто» дѣлается предметомъ любви и радости. Оно любится всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ помышленіемъ; душа радуется ему и стремится къ нему, какъ къ источнику истинной радости; но это «нѣчто» не потому хорошо, что оно пріятно, что оно радуетъ; но радуетъ оно потому, что оно въ самомъ дѣлѣ драгоцѣнно и объективно прекрасно. Человѣкъ любитъ его не просто «душевно», — по сильному и слѣпому влеченію, довѣряя своему настроенію и полагаясь на свое чувство; но *духовно*,—по столь же сильному, но предметно удостовѣренному и объективно правому, зрячему и *все болѣе прозрѣвающему* влеченію. Душа оказывается побѣжденною объективнымъ качествомъ Предмета, слѣдуетъ его зову, готовитъ себя къ его воспріятію, къ полной и чистой радости его явленія. Эта любовь къ совершенному есть любовь, поглощающая личный интересъ, личную страсть, личную корысть человѣка; она приходитъ съ сознаніемъ, что невозможно не любить этого предмета; съ непреложною увѣренностью, что разъ увидѣвшій его, пойдетъ за нимъ, оставляя иное. Это чувство, эта *безкорыстная радость объективному качеству предмета*, пріучаетъ человѣка къ тому, что все, что есть въ немъ самомъ *только* личнаго, *только* субъективнаго, — второстепенно и несущественно; что важно, значительно и цѣнно, — и въ немъ самомъ, и въ другихъ людяхъ, и въ вещахъ, — то, что *объективно* цѣнно, *объективно* значительно; что эросъ души долженъ принадлежать и не можетъ не принадлежать именно объективному, безусловному ка-

честву предмета: истинности знанія, нравственному совершенству душевнаго настроенія и дѣланія, красотѣ воспринимаемаго и осуществляемаго образа, таинственной божественности мірозданія. Умѣть безкорыстно радоваться объективному и безусловному качеству предмета, — вотъ первое условіе и первая основа истинной и благородной философской атмосферы. Это есть тотъ уровень, на которомъ философствованіе, дѣйствительно, получаетъ значеніе *духовнаго дѣланія*.

Предметная чистота воли, направленной къ истинному знанію — вотъ необходимое условіе для жизни и роста философіи. Конечно, не только въ томъ отношеніи, чтобы не подчинять процесса познанія и обнародованія познаннаго — грубымъ соображеніямъ о личной жизненной выгодѣ. Нѣтъ, тотъ, кто единожды возвысился душою до самозабвенной радости объективному качеству Предмета, для того опасность этихъ элементарныхъ, деморализующихъ уклоненій не страшна. Но есть въ предѣлахъ самого процесса философскаго познанія не столь замѣтныя, но тѣмъ болѣе опасныя возможности уклоненія отъ истиннаго пути, съ которыми каждому изъ насъ предстоитъ бороться всю жизнь. Философія, какъ духовное дѣланіе, должна быть и здѣсь свободна отъ незамѣтныхъ упущеній и попущеній, отъ уступокъ личнымъ потребностямъ, влеченіямъ, тайнымъ симпатіямъ, отъ потаканія своей личной, осознанной и неосознанной несчастности и отъ выростающихъ изо всего этого — ложныхъ проблемъ и ихъ мнимыхъ рѣшеній.

Дѣло въ томъ, что предметъ философіи, по первоначальному способу своего «бытія», не подобенъ предметамъ другихъ наукъ: онъ не дается намъ въ пространственно

устойчивомъ или легко повторяющемся внѣшнемъ видѣ. Философствующій человѣкъ имѣетъ передъ своимъ внутреннимъ взоромъ предметъ незримый, неслышимый, нечувственный, не матеріальный, не существующій въ пространствѣ и не длящійся во времени. Правда, все, что предстоитъ другимъ людямъ, предстоитъ и ему: и цвѣты, и рѣки, и горы, и звѣзды, и люди; и слово ему звучитъ, и звукъ поетъ ему; и цвѣта, и линіи, и дали говорятъ его оку. Но философская мысль ищетъ въ явленіи *не* явленія; она не прельщается видимостью и не успокаивается на знакѣ. Видимое и слышимое, тѣлесное и душевное радуетъ ее, какъ вѣрный знакъ, подлежащій пріятію и уразумѣнію, ибо лѣсной огонекъ горитъ тамъ, гдѣ таится сокровище. Въ содержаніи всякаго явленія и всякаго состоянія философская мысль видитъ *духовный смыслъ* его, полагая въ этомъ духовномъ смыслѣ свой предметъ, а въ его разумномъ, для каждаго очевидномъ раскрытіи — свою задачу. Познавательно обращаясь къ этому предмету, вступая съ нимъ въ познающее «общеніе», человѣкъ сосредоточивается на своемъ собственномъ, непосредственно переживаемомъ опытѣ и потому оказывается внутренно замкнутымъ и отъединеннымъ отъ другихъ людей; въ своемъ духовномъ опытѣ человѣкъ предоставленъ всецѣло самому себѣ, на основѣ самопомощи и самоконтролированія. Въ этомъ внутреннемъ отъединеніи философъ долженъ самъ, одинокимъ и самостоятельнымъ напряженіемъ воли, вниманія, воображенія, чувства, памяти и мысли *вызвать въ себѣ реальное переживаніе того предмета*, который онъ хочетъ изслѣдовать; онъ долженъ предоставить силы своей души для того, чтобы въ нихъ осуществилось, стало непосредственно и подлинно наличнымъ

то содержанiе, которое подлежитъ изученiю. Познаваемый предметъ долженъ какъ бы завладѣть тканью души и состояться въ ней; содержанiе его должно выступить какъ-бы объективнымъ узоромъ на ткани отдавшейся ему души. Этимъ и только этимъ философъ можетъ поставить себя въ положенiе ученаго, изслѣдуюшаго объективную природу предмета; творческое и согласованное сотрудничество всѣхъ указанныхъ силъ души въ совмѣстномъ напряженiи и общей заботѣ о вѣрномъ испытанiи предмета, его отчетливомъ увидѣнiи и точномъ описанiи,—даетъ философу возможность обрѣсти подлинный опытъ и объективность въ подходѣ къ своему предмету. Мысли предшествуетъ видѣнiе (интуицiя); видѣнiю предшествуетъ опытъ. Создавъ въ себѣ душевнымъ напряженiемъ подлинное переживанiе своего предмета философъ приступаетъ къ одинокому напряженному *внутреннему вглядыванiю въ сущность внутренно даннаго содержанiя*. Понятно, что это внутреннее вглядыванiе тоже требуетъ участiя всѣхъ силъ души, напряженiя ея сознательныхъ способностей и ея безсознательныхъ силъ. Здѣсь осуществляется своеобразное увидѣнiе, интуитивное вхожденiе духа въ изслѣдуемое содержанiе; то, что опытъ принялъ, включилъ въ свой жизненный составъ, то, что осуществилось въ его нѣдрахъ, — является теперь предметомъ систематически интуитивнаго воспрiятiя. При этомъ само собой разумѣется, что воспринимающее вниманiе сосредоточивается не на субъективномъ переживанiи, не на состоянiи или настроенiи испытавшей души, но на сущности испытаннаго предмета; эта духовная сущность самого предмета и есть то искомое, философски познаваемое, радующее и любимое обстоянiе, къ которому стремится познающiй разумъ философа.

И вотъ это *испытываніе* и это *вглядываніе* имѣютъ извѣстный, теоретическою совѣстью опредѣляемый необходимый уровень, по достиженіи котораго наступаетъ третья стадія: аналитическое описаніе и разумно-логическое раскрытіе испытаннаго и усмотрѣннаго содержанія. Душа, переходя къ этой послѣдней стадіи должна имѣть твердую увѣренность въ чистотѣ и вѣрности выполненной ею работы; но для этого она должна использовать сначала всѣ пути и средства, могущія дать ей гарантію въ этомъ, она должна умѣть творчески сомнѣваться, испытующе вопрошать и безпристрастно провѣрять; она должна создать въ себѣ твердую и обоснованную увѣренность въ отсутствіи субъективистическихъ искаженій. И только тогда, когда все это сдѣлано и осуществлено, она имѣетъ право приступить къ разумному раскрытію того, что̀ она испытала и увидѣла, — къ непредвзятому, отчетливому описанію и логически ясному формулированію того предметнаго содержанія, которое какъ-бы ждетъ своего окончательнаго раскрытія; къ избавленію видимаго предмета отъ той видимости неразумнаго плѣненія, въ которомъ онъ томится. Настоящее подлинное философствованіе даетъ человѣку истинное знаніе и, притомъ, въ формѣ разумной мысли, которая должна заключить въ себѣ все, что объято опытомъ и преодолѣно видѣніемъ. Вотъ почему философія всегда имѣетъ единое заданіе: раскрыть съ силою разумной очевидности подлинное содержаніе предмета, систематически испытаннаго и усмотрѣннаго философствующею душою.

Въ этомъ, внутренно сосредоточенномъ и утонченномъ *духовномъ дѣланіи*, философствующая душа, какъ это уже

ясно, пребываетъ въ отъединенiи и своеобразномъ одиночествѣ. Она остается въ непроницаемой для чужого сознанія замкнутости, съ глазу на глазъ съ самостоятельно добытымъ, испытываемымъ, интуитивно изслѣдуемымъ и мысленно раскрываемымъ содержаніемъ предмета. Вообще говоря,—никто никого не можетъ впустить въ свою душу; никто не можетъ замѣнить другого въ дѣлахъ духовнаго строительства; никто не можетъ снять съ чужой души бремя самодѣятельнаго очищенія души и самостоятельнаго вынашиванія очевидности, — бремя одинокаго опытнаго, интуитивнаго и разумнаго, духовнаго познаванія. Философское познаніе требуетъ высокой, *лично* выращиваемой и осуществляемой духовной культуры. И въ этомъ дѣлѣ необходима именно та неустанная *нравственная активность въ познанiи*, которой училъ Сократъ и къ которой взывалъ Фихте. Здѣсь необходима личная непреклонная воля къ совершенному знанію и напряженная чуткость личной теоретической совѣсти. Теоретическая совѣсть ставитъ передъ познающей душой всегда одно и то же единое требованіе: «ты можешь и долженъ признавать и открыто исповѣдовать, какъ истинное, только то, въ познанiи чего ты, по крайнему, активно провѣренному разумѣнію своему, освободилъ себя отъ всѣхъ субъективистическихъ искаженій, осуществилъ всѣ средства личнаго очищенія и предметнаго углубленія, извѣстныя человѣчеству, и достигъ на этомъ пути испытанія личной, по душевному переживанію, но сверхличной, по содержанію и значенію, познавательной очевидности». Это требованіе теоретической совѣсти поистинѣ неуклонно и неумолчно; и философъ, больше, чѣмъ какой-либо другой ученый, долженъ постоянно имѣть его въ виду, уже по од-

ному тому, что философское познаніе имѣетъ въ теоретической совѣсти свою главную, а можетъ быть и единственную ограду отъ искаженій и отъ субъективистическаго вырожденія. Ибо практическій жизненный вредъ, приносимый ложнымъ философствованіемъ виденъ во-очію только тому, и постижимъ только для того, кто уже закалилъ свою душу въ требованіяхъ духовнаго уровня; и этотъ вредъ не всегда есть вредъ матеріальнаго или только душевнаго характера, какъ въ другихъ областяхъ знанія и жизни, но прежде всего вредъ духовной природы; онъ выражается въ томъ коренномъ вырожденіи религіознаго, познавательнаго, эстетическаго, и политическаго уровня жизни, которое обладаетъ свойствомъ — въ теченіе долгаго времени быть незамѣтнымъ и вдругъ обнаруживаться съ вопіющей очевидностью уже состоявшагося паденія и разложенія всей духовной атмосферы.

Философствованіе обязываетъ. Сознаніе этого должно непрестанно горѣть въ душахъ тѣхъ, кто говоритъ отъ лица философіи. Оно обязываетъ уже потому, что философія есть *знаніе*; а всякое знаніе даетъ духовныя права и возлагаетъ духовныя обязанности. Знаніе есть даръ и богатство, потому что знающій именно въ томъ, что онъ знаетъ и поскольку онъ знаетъ, знаетъ не только «навѣрное», но знаетъ вѣрно, подлинно, объективно: онъ выбрался изъ колеблющейся трясины мнѣній и достигъ очевидности. У того, кто знаетъ, знаніе и вѣра не расходятся и не стоятъ въ противорѣчіи: то, что онъ знаетъ, достовѣрно той единой достовѣрностью и очевидно той единой очевидностью, которая силою объективности своей создаетъ *вѣрующее знаніе* и *знающую вѣру*. Вѣрить и вѣровать можно лишь въ то, что вѣрно, что

въ самомъ дѣлѣ такъ. Нельзя вѣрить во что-нибудь, зная, что *на самомъ дѣлѣ* «это иначе»: такой человѣкъ былъ бы невмѣняемъ. Но нельзя и знать что-нибудь, вѣря, что *на самомъ дѣлѣ* «это иначе»: такой человѣкъ былъ бы лишенъ и вѣры и знанія. Знать — значитъ имѣть объективно обоснованную увѣренность; но какъ же можетъ тогда человѣкъ, горящій о знаніи, не вѣрить въ знаемое? Вѣрить, значитъ горѣть признаніемъ истины; но какъ же можетъ тогда человѣкъ признавшій истину, не имѣть объективно обоснованнаго знанія? Знаніе можетъ быть еще нераскрытымъ, вѣра можетъ временно пребывать въ состояніи безсознательнаго аффективнаго опыта; но *по существу* — они одно. Ибо гипотеза и предположеніе не есть еще знаніе; а воздыханіе и мечта, ожиданіе и вожделѣніе, чаяніе и упованіе не есть еще вѣра. Вотъ почему знаніе есть даръ и богатство.

Но философія, какъ знаніе о важнѣйшемъ, о духѣ, о безусловномъ — есть лучшій даръ и большее богатство. Философія, познавая сущность духа и безусловнаго, должна вынашивать именно ту объективно обоснованную увѣренность, очевидность, достовѣрность, безъ которой нельзя ни знать, ни вѣрить. Но эта очевидность и достовѣрность не должна храниться втайнѣ и открываться только посвященнымъ. Философскій предметъ объективенъ и единъ для всѣхъ; онъ долженъ быть доступенъ всѣмъ вопрошающимъ и ищущимъ; и то, что знается, и то, во что вѣруется, что утверждается, какъ очевидное и достовѣрное, — должно быть раскрыто всѣмъ жаждущимъ знанія, ибо философія есть наука, она организуетъ свой опытъ, провѣряетъ свое интуитивное воспріятіе, описываетъ воспринятое, анализируетъ, синтезируетъ и доказываетъ. Въ философіи не

должно быть мѣста для произвольныхъ построеній или воздушныхъ замковъ, для самообмана, мнимыхъ наитій или волшебства. Философія не мистифицируетъ ни себя, ни другихъ. Она можетъ и должна быть вполнѣ свободна отъ *суевѣрія*, когда человѣкъ достаточно «вѣритъ», чтобы бояться, и не достаточно «вѣритъ», чтобы не бояться, «вѣритъ» отъ страха и боится отъ «вѣры», унижая себя своею «вѣрою». Философія ищетъ *свѣта*, и находитъ свѣтъ, и работаетъ всегда при томъ свѣтѣ, который ей данъ свыше и умноженъ ею самою; и потому она не только не питаетъ и не создаетъ страха, но стремится не оставить и мѣста для него: ибо страхъ возникаетъ лишь тамъ, гдѣ противоразумныя вожделѣнія и отъединившіяся силы, томясь, работаютъ во мракѣ и грозятъ изъ темноты. Начиная, какъ и всякое знаніе, съ опыта, и испытуя природу духа и Духа, философія не имѣетъ основанія къ тому, чтобы прятать дающееся ей въ опытѣ предметное богатство отъ разумнаго раскрытія, побѣждающаго и возводящаго, и потому радостнаго. И, если истинно религіозный человѣкъ пріемлетъ лишь то, и вѣруетъ лишь въ то, что открылось ему съ очевидностью, въ личномъ, но подлинномъ духовномъ опытѣ, то философія по содержанію своему есть религія.

Вотъ какая отвѣтственность встаетъ передъ душой, которая рѣшаетъ посвятить себя философіи. И тотъ, кто, философствуя, будетъ имѣть передъ своими очами это высшее назначеніе философіи и неизмѣнное требованіе теоретической совѣсти, тотъ сразу увидитъ и до конца будетъ помнить тѣ опасности и уклоненія, которыя могутъ встрѣтиться на его пути. Необходимо продумать эти опасности и увидѣть, куда онѣ ведутъ, для того, чтобы ихъ преодолѣть.

Первая опасность въ томъ, что философствованіе можетъ потерять свою единственную верховную цѣль и превратиться въ не самодовлѣющее, не самоцѣнное, не самозаконное дѣланіе, т. е. начать служить постороннимъ и чуждымъ ему цѣлямъ. О намѣренныхъ и сознательныхъ искаженіяхъ истины можно здѣсь и не говорить: своекорыстное извращеніе правды о духѣ и софистическая апологія сильнаго можетъ осуществляться только тѣмъ, кто никогда не зналъ, что есть настоящая философія. Однако, здѣсь есть и другіе уклоны. Философское знаніе должно быть свободно не только отъ постороннихъ мотивовъ, но и отъ всякихъ непредметныхъ вліяній, основываясь на *самостоятельно* добытомъ опытѣ и *лично* испытанной очевидности. Это испытаніе очевидности, какъ бы выростающей изъ глубины самого предмета, не можетъ быть ничѣмъ замѣнено или вытѣснено. Правда, авторитетъ есть великая культурно-воспитательная сила; но задача его въ томъ, чтобы *временно* замѣнить очевидность, предварительно, лишь въ видѣ педагогической или пропедевтической опоры, необходимой на первыхъ порахъ для сохраненія и утвержденія благихъ традицій. Задача авторитетнаго руководства состоитъ именно въ томъ, чтобы воспитать неопытную душу къ самостоятельному познаванію, чтобы научить ее самодѣятельно обрѣтать предметно обоснованную очевидность, и, наконецъ, чтобы во-время увидѣть ея зрѣлость и предоставить ей свободный путь. *Замѣнить* очевидность — авторитетъ не можетъ, и, какъ только она состоялась, такъ, строго говоря, между нею и авторитетомъ невозможенъ даже и конфликтъ. Философъ, какъ ученый и какъ вѣрующій, можетъ быть вѣренъ только одному — предметной очевидности; и всякій авторитетъ

призванъ уступить ей добровольно, такъ, какъ нѣкогда ему самому уступили авторитеты прошлаго. Повиновеніе *не* предмету, *не* Богу, но «человѣкамъ», — не можетъ быть добродѣтелью философа: въ этомъ основа философіи, какъ вѣрующей науки, — въ этомъ *автономія духовнаго опыта*.

Вторая опасность въ томъ, что суровая, очищающая личную душу борьба за объективно-вѣрное испытаніе и за дѣйствительное усмотрѣніе предмета, — можетъ замѣниться или скорымъ и легкимъ нахожденіемъ субъективныхъ впечатлѣній, или же награможденіемъ хаотическихъ созданій личной безсознательной сферы.

Въ первомъ случаѣ происходитъ подмѣна философскаго опыта личными впечатлѣніями, догадками или мнѣніями; и философія вырождается въ праздные разговоры, въ претенціозныя, хотя, съ виду, и ни къ чему не обязывающія сообщенія, которыя, можетъ быть, и не лишены авто-біографическаго интереса, но свободны отъ философскаго значенія. Именно на этомъ пути философствованіе оказывается во власти людей, не имѣющихъ отношенія къ философскому предмету и все же слагающихъ болѣе или менѣе легкомысленныя сужденія и мнѣнія по поводу предметовъ и проблемъ. Этимъ философское исканіе перестаетъ быть исканіемъ, оно утрачиваетъ свою практическую серьезность и превращается въ непрерывное и легкое «нахожденіе»; оно отвязывается отъ предмета, порываетъ съ опытомъ и очевидностью и слагаетъ вокругъ себя атмосферу вседозволенности. Философское общеніе вырождается въ болѣе или менѣе искусную «діалектику» и теряетъ свое глубокое, духовное и нравственное значеніе. Понятно, что на этомъ пути нетрудно дойти и до принципіальнаго субъективизма и релятивизма, до успоко-

ительнаго ученія о томъ, что «все относительно». Философское изслѣдованіе превращается въ болѣе или менѣе неудачный разсказъ о томъ, «что я за человѣкъ» и «каковы мои мнѣнія», а призывъ къ предметности, къ отвѣтственности и сверхличной очевидности объясняется претенціозностью и самоувѣренностью призывающаго.

Во второмъ случаѣ предметный опытъ замѣняется нагроможденіемъ хаотическихъ созданій личной безсознательной сферы, и философствованіе вступаетъ на путь своеобразнаго волхвованія. Двигаясь на этомъ пути, люди становятся профессіональными «тайновѣдами» и раздѣляются на двѣ большія группы: одни технически владѣютъ пріемами своего «тайновѣдѣнія» и искусно прививаютъ ихъ своимъ неприхотливымъ, простодушнымъ, наивнодовѣрчивымъ ученикамъ; другіе сами оказываются во власти своихъ мнимыхъ откровеній и растерянно несутся въ ихъ неуравновѣшенномъ теченіи.

Къ первымъ принадлежатъ, напримѣръ, современные «антропософы», которые любятъ прикрываться словомъ «наука», а на самомъ дѣлѣ проповѣдуютъ нѣкую, якобы мистическую, душевную практику. Въ этой сумеречной душевной практикѣ, которая представляется имъ, если не мудростью, то во всякомъ случаѣ истинною дорогою къ мудрости, меркнетъ чистый свѣтъ философскаго знанія, и разумная жизнь духа растворяется въ культивированіи наиболѣе физіологическихъ сторонъ и способностей души. Таково ихъ «ясновидѣніе», покупаемое цѣною безпредметности и отказа отъ предметнаго опыта. Напрасно говорятъ они о наукѣ: ихъ «наука» не имѣетъ ничего общаго съ тою наукою, которая ищетъ объективности въ изслѣдованіи, от-

крыто утверждаетъ и открыто доказуетъ; ихъ «наука» есть *магія*, а содержаніе ихъ «ученія» — смутная химера. «Антропософъ» старается магически овладѣть тайною своей личной безсознательной сферы и вступаетъ для этого въ практическое жизненное общеніе не съ предметомъ, а со своимъ собственнымъ безсознательнымъ. Это общеніе погружаетъ центръ его личной жизни въ непонятную для него глубину родового инстинкта; и совершается это *не* ради знанія: какъ истинный «магъ», антропософъ ищетъ не знанія, а господства, *власти* надъ непокорной и несчастной стихіей своего существа. Играя и ужасаясь, страдая и наслаждаясь этимъ процессомъ медленной, постепенной утраты своего *личнаго духа* въ предписанныхъ «учителемъ» «медитаціяхъ», онъ идетъ ко дну, не выходя изъ себя, ничего не познавая, хотя испытывая «новыя ощущенія»; и такъ онъ покупаетъ себѣ, наконецъ, личное успокоеніе цѣною своей духовной личности, цѣною отказа отъ разума и философическаго бремени. Трагедія его въ томъ, что, ища овладѣнія и господства, онъ вступаетъ на путь, приводящій его къ успокоенной подчиненности, къ содержательному и формальному торжеству безсознательной стихіи надъ духомъ и сознаніемъ; душевное равновѣсіе иногда пріобрѣтается, но личность выводится изъ ряда духовныхъ борцовъ и свершителей. И тщетно пытается антропософъ сослаться въ свое оправданіе на свою «міровую» «умудренность». Онъ имѣетъ, конечно, нѣкоторую видимость «ученія», но оно представляетъ изъ себя не болѣе, чѣмъ несамостоятельную и эклектическую химеру. Знаніе, какъ предметный опытъ, вѣрное видѣніе и разумѣющая очевидность, — вообще не цѣнятся и не культивируются ими, ато, что они

называютъ «оккультнымъ», т. е. сокровеннымъ знаніемъ, не скрываетъ за собою ничего, кромѣ родовыхъ содержаній безсознательнаго. Они, повидимому, не знаютъ, что научный опытъ проникъ дальше ихъ и глубже ихъ въ жизнь безсознательнаго, проникъ знаніемъ не безпредметнымъ и сокровеннымъ, а предметнымъ и открывающимъ, и что самая «тайна» ихъ таинственной практики уже во власти науки. Они «ворожатъ» всю жизнь вокругъ непонятнаго имъ самимъ центра и не видятъ, что отъ ихъ «мудрости» умаляется свѣтъ на землѣ.

Другая группа «тайновѣдовъ» по иному уклоняется съ философскаго пути. Эти искатели сами оказываются во власти своихъ, якобы религіозныхъ, «откровеній» и, изнемогая отъ ихъ смутнаго и, нерѣдко, вполнѣ личнаго содержанія, они блуждаютъ потому, что не выдерживаютъ бремени личной душевной несчастности, и, запутываясь все больше, чувствуютъ себя все болѣе несчастливыми. Та особенность философскаго опыта, въ силу которой въ его осуществленіи должны участвовать *всѣ* силы души и притомъ въ обращеніи къ невещественному предмету, приводитъ къ тому, что въ дѣло вовлекается вся безсознательная сфера во всей ея утонченности, страстности и трудно-уловимости. Но, именно вслѣдствіе этого, всѣ тайныя влеченія и желанія, обычно недопускаемыя на порогъ дневного сознанія и хоронящіяся, подобно Нибеллунгамъ, въ тайникахъ ночной души; всѣ особенности личнаго «вкуса», пріобрѣтенныя въ жизни и духовно неочищенныя; всѣ тѣ раненія душевной ткани, которыя у каждаго изъ насъ пріобрѣтаются съ дѣтства и живутъ, неисцѣленныя, всю жизнь, нерѣдко разъѣдая душу и повергая ее во всевоз-

можные психозы и нейрозы, — все это, при отсутствіи надлежащей очистительной работы, при отсутствіи безжалостности къ своей душевной традиціи и къ своему душевному самочувствію, вторгается въ философскую работу и дѣлаетъ душу мало способной къ предметному опыту и изслѣдованію. Философія становится тогда игралищемъ скрытыхъ страстей; она оказывается болѣе или менѣе удачно найденнымъ компромиссомъ между запросами личнаго безсознательнаго и сознательной идеологіей; она говоритъ гораздо болѣе о личномъ укладѣ души, чѣмъ о предметѣ. При этомъ энергія познанія нерѣдко растворяется въ субъективную слѣпую убѣжденность, которая слѣдуетъ за всѣми превращеніями все вновь и вновь перестраивающейся «идеологіи» и, въ сущности говоря, можетъ найти себѣ успокоеніе только въ гетерономномъ пріятіи той или иной догмы.

Наконецъ, есть еще третья опасность для философіи, это опасность разсудка, отрывающагося отъ живого предметнаго опыта и интуиціи. Этотъ опытъ ведетъ философію не къ волхвованію и не къ субъективистическому вырожденію, а къ смерти въ безводной и безвоздушной пустотѣ. Здѣсь философія сохраняетъ, правда, видимость научнаго знанія, но именно одну только видимость; и отстаивая ее, она какъ бы гибнетъ на посту съ оружіемъ въ рукахъ. Такіе мыслители начинаютъ цѣнить выше всего формальныя различенія и опредѣленія понятій, формальное единство философской «системы», формальныя проблемы и постановки вопросовъ. Утративъ живое отношеніе къ предмету, не сознавая, что, при такомъ положеніи дѣла, философія неминуемо выродится въ комбинацію безпочвенныхъ понятій, они остаются нерѣдко безъ всякой предметной опоры и начинаютъ замѣ-

нять ее опорою *чужой мысли*. Но чужая мысль, быть можетъ, въ свою очередь ведетъ оторванное, безпредметное существованіе, опираясь на болѣе раннія системы и ученія; и тогда въ философіи начинаетъ обнаруживаться какая-то наслѣдственная опустошенность. Пишутся книги о книгахъ; построяются особыя толкованія и пониманія чужихъ идей; чужія воззрѣнія изслѣдуются, какъ нѣкая самостоятельная цѣнность; культивируется изощренная библіографическая освѣдомленность. Мысль какъ бы высыхаетъ и запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ мертворожденныхъ утонченностей. Потомки безсильно увязаютъ въ наслѣдствѣ, оставшемся отъ предковъ; и тогда исторія философіи не только не научаетъ предметному философствованію, но прямо уводитъ отъ предмета: отжившія системы выростаютъ передъ эпигономъ, какъ заколдованный лѣсъ, черезъ который нѣтъ ни прохода, ни проѣзда и скудный свѣтъ абстрактнаго разсудка не можетъ пронизать эту чащу и показать заблудшему дорогу къ истинной цѣли.

Таковы основныя опасности философскаго пути. Преодолѣть ихъ возможно только черезъ вѣрность предметному опыту и требованіямъ теоретической совѣсти: философъ долженъ утверждать и исповѣдовать только то, что̀ онъ самъ испыталъ въ духовномъ опытѣ и съ очевидностью узрѣлъ въ изслѣдованномъ имъ предметномъ обстояніи. И, если онъ будетъ вѣренъ этому правилу, то въ философіи начнетъ уменьшаться число безпочвенныхъ разногласій и безплодныхъ споровъ и она получитъ возможность превратиться въ подлинное знаніе о сущности духа, о его путяхъ и законахъ.

Философія не въ отвлеченности, не въ сплетеніяхъ

хитроумія и не въ праздно-лукавомъ мудрованіи. Нѣтъ, настоящая философія духовна, опытна, честна и проста; и именно въ этихъ свойствахъ своихъ она приближается къ настоящей религіи.

Когда то Гегель сокрушался о низкомъ уровнѣ той національно-духовной культуры, которая не создала еще своего самостоятельнаго религіозно-метафизическаго чувствованія и пониманія Бога, міра и человѣка. Онъ зналъ, какъ до него развѣ одинъ Аристотель, что духовный опытъ и философическое созерцаніе составляютъ самую глубокую сущность всей національной жизни; что именно *предметное раскрытіе жизни духа* есть то дѣланіе, то совершаемое немногими творчество, ради котораго въ слѣпотѣ жили, въ слѣпотѣ страдали и умирали столь многіе; что именно *разумное утвержденіе духовнаго Предмета* (метафизика, вырастающая изъ подлиннаго религіознаго откровенія), есть та вершина духовнаго горѣнія, которая религіозно питаетъ, освящаетъ и завершаетъ культуру народа, какъ живого единства, и которая дѣйствительно можетъ быть источникомъ подлинной духовной *чистоты* и *силы*.

II.

ФИЛОСОФІЯ И ЖИЗНЬ.

I.

Философія больше, чѣмъ жизнь: она есть *завершеніе* жизни. Но жизнь первѣе философіи: она есть ея *источникъ* и предметъ.

Среди людей, чуждыхъ и предмету и заданію, издревле существуетъ распространенное воззрѣніе, согласно которому философія не имѣетъ никакого отношенія къ «дѣйствительной жизни» и, сама по себѣ, не есть «наука». Философія — это въ лучшемъ случаѣ «прекраснодушная мечта»; тогда какъ жизнь и наука суть нѣчто трезвое: трезвая практическая дѣятельность и трезвое практическое знаніе. Именно поэтому жизнь нуждается въ наукѣ и *не* нуждается въ философіи; а наука провѣряется жизненной практикой, но вполнѣ можетъ обойтись *безъ* философскихъ отвлеченностей.

Философія, думаютъ многіе, есть «мечтательное умствованіе» или «умственное мечтаніе»: человѣкъ, слабый волею, но сильный воображеніемъ и праздный умомъ, бѣжитъ отъ очередныхъ, «большихъ» запросовъ жизни и создаетъ міръ химерическихъ отвлеченностей. Онъ утѣшается этимъ міромъ, «вѣритъ» въ него и замыкается въ немъ; онъ пытается «заговорить» себя, «обмануть» и свой и чужой разумъ; и постепенно ограждаетъ себя стѣною громкихъ словъ, туманныхъ настроеній, утонченныхъ и непонятныхъ выдумокъ.

Здѣсь нѣтъ единаго, общаго всѣмъ предмета; нѣтъ

единаго и зрѣлаго научнаго метода; здѣсь все субъективно и произвольно, ибо каждый говоритъ про себя и о своемъ: каждый твердитъ о своей «химерѣ». Ни одинъ не понимаетъ другого; но «всѣ не согласны»: каждый не пріемлетъ чужую химеру ибо чужая — никому не нужна. Нужна *своя*: только она есть «истина», — она, родная выдумка, *личный миѳъ*, «*моя* сказка». Въ ней излилась, ею закрѣпилась личная мечта о себѣ, о мірѣ и о Богѣ; и отсюда ея чисто личное значеніе. «Чужая философія»—это чужое *изліяніе*; сколько же надо терпѣнія, чтобы слушать по долгу и внимательно чужія изліянія? Вотъ почему философы не могутъ спорить другъ съ другомъ и не умѣютъ другъ друга выслушивать: они подобны, въ лучшемъ случаѣ, сонму дервишей, выкликающихъ, каждый про себя, никому непонятную молитву никому неизвѣстному божеству.

Для чего же все это утонченное препарированіе личной миѳологіи? И какъ можно *преподавать* философію? Развѣ исторія ея не есть исторія духовныхъ блужданій и недуговъ? Развѣ возможно какое нибудь *научно-философское* достиженіе?

Безспорно: если философія порождаетъ однѣ «личныя химеры», внѣнаучныя изліянія или умственныя мечты, то ея *нѣтъ вовсе* и преподаваніе ея невозможно. Всѣ созданія ея порождены игрою ума и таланта; они войдутъ, можетъ быть, въ объемъ искусства, и тогда исторія философіи будетъ поглощена исторіей литературы.

Однако вѣрно ли это? Вѣрно ли, что философія творитъ однѣ «безпредметныя химеры»? Что самый способъ ея творчества дѣлаетъ ее индифферентною истинѣ? Что она оторвана отъ жизни и не нужна ей?

Среди тѣхъ, кто занимается философіей, или говоритъ отъ ея лица, есть и въ наши дни немало такихъ, которые виновны въ столь невѣрной репутаціи, сложившейся у философіи и у философовъ. Такъ, германская философія послѣднихъ десятилѣтій дѣйствительно создала немало мертвыхъ отвлеченностей, ненужныхъ для подлинной жизни; а философская культура Россіи не сумѣла еще побороть въ себѣ ни безпредметнаго импрессіонизма, ни склонности къ увлеченію чисто личною, релятивистическою химерою. Но развѣ недостатки *осуществленія* компрометируютъ самое *заданіе*? Развѣ недуги составляютъ самую сущность организма? Развѣ можно заключать отъ того, что чего то *нѣтъ*, къ тому, что оно *не можетъ* или *не должно* быть? Развѣ чье нибудь неумѣніе доказываетъ что нибудь, кромѣ того, что неумѣющій не умѣетъ? Если отрицать философію по этимъ соображеніямъ, то слѣдуетъ навсегда покончить не только съ философствованіемъ, но и съ политической дѣятельностью, съ врачеваніемъ, съ педагогикой, и вообще со *всякой* другой дѣятельностью; ибо вездѣ были ошибки, всюду есть неумѣніе, всегда будутъ неудачи.

Однако, быть можетъ, враги философіи допускаютъ, что именно *она* является несчастнымъ исключеніемъ изъ всѣхъ другихъ дѣятельностей и наукъ; что именно у философіи недугъ составляетъ самую сущность организма; что самое *заданіе* ея таитъ въ себѣ *внутренній порокъ* неосуществимости; что здѣсь есть *мнимая проблема*, порождающая сплошныя гнѣзда недоразумѣній. Но это значило бы, что у философіи нѣтъ и не можетъ быть особаго, самостоятельнаго предмета; что ей недоступенъ систематическій методъ; что она никогда не могла доказывать и никогда не

сможетъ доказать своихъ утвержденій; что она пуста и мертва; что у нея нѣтъ и не можетъ быть подлинной, творческой связи съ жизнью.

Тотъ, кто взялся бы доказать и доказалъ бы эти тезисы, — оказалъ бы великую услугу человѣчеству: онъ положилъ бы разъ навсегда конецъ претензіямъ и посягательствамъ философовъ; онъ упрочилъ бы предѣлы истинной науки; онъ указалъ бы философіи ея истинный предѣлъ и направилъ бы силы молодыхъ поколѣній въ сторону *искусства* и *религіи*. И въ результатѣ этого подвига философія оказалась бы культурнымъ пережиткомъ наряду съ философскимъ камнемъ и жизненнымъ элексиромъ, наряду съ perpetuum mobile и гомункуломъ.

2.

Донынѣ врагамъ философіи не удалось доказать этихъ тезисовъ. Правда, они иногда побѣждали тамъ, гдѣ доказывали недостаточную методичность того или иного философствованія; они всегда бываютъ правы, когда указываютъ на расхожденія и разногласія между отдѣльными философскими ученіями; они всегда будутъ имѣть основаніе отвергнуть мертворожденныя выдумки философовъ всюду, гдѣ такія выдумки возникнутъ. Однако все это нисколько не подтверждаетъ ихъ принципіальнаго отрицанія философіи. Доказывая ея невозможность или несостоятельность, они имѣютъ передъ собою творчество, сущность котораго скрыта отъ нихъ, и предметъ, доступа къ которому они не знаютъ. Ихъ сомнѣніе порождено не опытомъ или исканіемъ, а непониманіемъ и предвзятостью. Они отрицаютъ то, чего не видѣли; они объ-

являютъ неосуществимымъ то, чего сами не пытались осуществить. Ихъ разсужденія не возстаютъ изъ страданія въ предметѣ и не покоются на подлинномъ познавательномъ напряженіи; они судятъ со стороны, лишенные запросовъ, ȯргана, опыта и компетентности. Поэтому соображенія ихъ имѣютъ всегда апріорный и неубѣдительный характеръ; а компетентный умъ спокойно созерцаетъ комизмъ ихъ усилій — доказать *невозможность* того, что *на самомъ дѣлѣ уже реально*.

Ибо, вопреки ихъ мнѣнію, философія имѣетъ свою *научную лабораторію* и свои *жизненныя достиженія*.

Эта лабораторія дaступна далеко не всякому и многимъ войти въ нее не удается. Даже изъ тѣхъ, которые мнятъ себя философами и имѣютъ соотвѣтствующую репутацію, не всѣ служатъ философіи и творятъ ее. За то въ этой лабораторіи живутъ и работаютъ многіе, не знающіе о томъ и не понимающіе своего жизненнаго дѣла, такъ, что они удивились бы, узнавъ объ истинномъ значеніи своей дѣятельности. Въ этой лабораторіи накапливается и осмысливается *духовный опытъ*, безъ котораго нѣтъ, не было и не будетъ настоящей философіи; изъ нея выходятъ всѣ подлинныя философскія *достиженія*, *научныя* по своей формѣ и глубоко *жизненныя* по своему содержанію.

Доказать невозможность такихъ достиженій нельзя потому, что они фактически имѣются налицо въ великомъ историческомъ хранилищѣ философіи. На протяженіи исторіи философія *уже* показала, что она имѣетъ подлинную, творческую *связь съ жизнью*; каждымъ серьезнымъ свершеніемъ своимъ она доказываетъ, что у нея есть особый, самостоятельный *предметъ*; ея лучшіе творцы и вожди выко-

вывали систематическій *методъ* и владѣли имъ; она по самому существу своему ищетъ *доказательствъ* для каждаго своего утвержденія и многое уже доказала. Поэтому тому, кто не признаетъ философію, приходится отрицать факты или закрывать себѣ на нихъ глаза; ему предстоитъ доказывать, что состоявшееся не состоялось, что предстоящаго нѣтъ, что оно невозможно; для этого онъ долженъ обезпечить слѣпоту и себѣ и своему слушателю. И потому, если онъ «побѣдитъ», то его «побѣда» будетъ свидѣтельствовать только о его некомпетентности; а это значитъ, что онъ совсѣмъ не побѣдитъ.

Напротивъ, сама исторія философіи есть живое доказательство того, что философія—не бредъ, не пустословіе и не безпредметное блужданіе; мало того, что философія есть *наука о жизни*. Ибо, въ самомъ дѣлѣ, *философія есть систематическое познавательное раскрытіе того, что составляетъ самую глубокую основу жизни*. Сама жизнь *въ ея истинномъ смыслѣ и содержаніи* составляетъ ея *источникъ* и является ея *предметомъ*, тогда какъ форма ея, заданіе, пріемы, категоріи, итоги, — все это дѣлаетъ ее *наукою* въ строгомъ и подлинномъ значеніи. Философія родится въ жизни и отъ жизни, какъ ея необходимое и зрѣлое проявленіе; не отъ быта и не отъ животнаго существованія, но отъ *жизни духа*, отъ его страданія, созерцанія и жажды. И, рожденная духомъ, ищущая *знанія*, она восходитъ къ его зрѣлой и совершенной формѣ, — къ сознательной *мысли*, съ ея ясностью, систематичностью и доказательностью. Философствовать значитъ *воистину жить* и *мыслью* освѣщать и *преображать сущность подлинной жизни*.

Естественно, что философія чужда и недоступна тѣмъ,

кто не знаетъ или не чувствуетъ различія между *бытомъ* и *духомъ*, кто исчерпываетъ свою жизнь бытовыми содержаніями или отдаетъ ее на служеніе техникѣ быта. Для такихъ людей «не существуетъ» ни того *заданія*, которое движетъ философію, ни того *предмета*, который она созерцаетъ, ни того *измѣренія*, въ которомъ она движется и раскрывается. Бытъ, слѣпой для духа, не знаетъ философіи и не творитъ ея; но вправѣ ли онъ отрицать ея значеніе и ея возможность, отправляясь отъ своей слѣпоты? Для того, чтобы жить философскими содержаніями и, тѣмъ болѣе, для того, чтобы придавать имъ форму мысли, человѣкъ долженъ имѣть какъ бы особый органъ; или, вѣрнѣе, душа его должна быть достаточно *глубокой* для философскаго предмета, достаточно *воспріимчивой* для философскаго содержанія, достаточно *утонченной* для философскаго мышленія и достаточно *творческой* для дѣла оформленія. Каждое изъ этихъ свойствъ, каждая изъ этихъ способностей можетъ быть присуща человѣку въ большей и меньшей степени; и каждая иная комбинація этихъ силъ дастъ иную творческую индивидуальность. Однако душа, лишенная *первой* способности, т. е. совсѣмъ не живущая на той *глубинѣ*, на которой впервые открывается наличность философскаго предмета, — окажется пораженною философской слѣпотой, а потому и не компетентной въ вопросѣ о бытіи, значеніи и жизненной силѣ философіи.

Для того, чтобы судить о философіи надо *жить ею*; и тотъ, кто не можетъ или не хочетъ жить философскимъ предметомъ, обязанъ воздерживаться отъ сужденій и о самой философіи, и о ея предметѣ.

3.

Итакъ, философія, по самому существу своему, не только не чужда жизни, но связана съ нею, какъ со своимъ *источникомъ* и *предметомъ*.

Какъ бы ни опредѣлить философію, она всегда окажется *знаніемъ*. Но знаніе не можетъ состояться иначе, какъ въ формѣ встрѣчи, или схожденія, или соединенія между *объектомъ* и *субъектомъ*. Отсутствіе объекта сдѣлаетъ знаніе лишеннымъ предметнаго содержанія, т. е. безпредметно-неопредѣленнымъ, и, въ смыслѣ истины, безплоднымъ состояніемъ души; т. е. *незнаніемъ*. Отсутствіе субъекта оставитъ предметное содержаніе субъективно-не-испытаннымъ, не усмотрѣннымъ, не помысленнымъ; т. е. *непознаннымъ*. Но, для того, чтобы знаніе состоялось, необходимо, чтобы *содержаніе* объекта *вступило*, такъ или иначе, *въ предѣлы субъекта*. Ибо знаніе есть разновидность обладанія, *имѣнія*; чтобы имѣть, надо взять, по-ять; безъ взятія, по-ятія, не можетъ быть ни по-ниманія, ни по-нятія.

Это значитъ, что содержаніе предмета должно состояться, обнаружиться, выступить въ душѣ субъекта. Познающая душа должна *предоставить свои силы и средства предмету*; это необходимо для того, чтобы принять въ себя его содержаніе, дать ему *осуществиться* въ себѣ. Предметъ долженъ какъ бы прозвучать своимъ содержаніемъ въ познающей душѣ; высказаться въ ней; стрястись въ ней; какъ бы выжечься въ ея ткани; подлинно поприсутствовать въ ней такъ, чтобы душа зажила стихіей самого предмета и стала *одержимою* его содержаніемъ. Только тогда человѣкъ

можетъ сказать, что онъ *испыталъ* предметъ, что онъ пріобрѣлъ первую основу всякаго знанія — *предметный опытъ*.

Внѣ предметнаго опыта невозможно никакое знаніе. Каждый ученый посвящаетъ свои силы именно тому, чтобы пріобрѣсти и накопить *подлинный предметный опытъ*. Каждый ученый превращаетъ свою душу въ хранилище испытанныхъ содержаній. Именно присутствіе ихъ въ немъ дѣлаетъ его ученымъ, или, вѣрнѣе, даетъ ему возможность научнаго познанія. Человѣкъ можетъ быть названъ ученымъ лишь постольку, поскольку онъ превратилъ свою душу въ среду, *систематически одержимую предметомъ*; ибо научное изученіе есть, прежде всего, *систематическая практика предметной одержимости*; этимъ знаніе не исчерпывается, но именно въ этомъ его начало и его подлинная основа. Внѣ мобилизованнаго предметнаго опыта *никакого* знанія *никогда* не было и не будетъ.

И вотъ возникаетъ силлогизмъ; всякое знаніе есть опытное знаніе; всякая философія есть знаніе; слѣдовательно, *вся философія есть опытное знаніе*. Неопытная, сверхопытная философія есть недоразумѣніе или легенда. Извѣстно, что философы не разъ пытались утвердить свое знаніе «независимо отъ опыта»; объ «апріорномъ» знаніи написано не мало изслѣдованій. И, тѣмъ не менѣе, безъопытной философіи никогда не было и не будетъ. Именно тогда, когда философъ думаетъ, что онъ освободилъ себя отъ опыта, онъ или *предвосхитилъ* его и совершилъ самообманъ; или освободилъ себя отъ извѣстнаго, *специфически* опредѣленнаго опыта и обратился къ другому опыту (напримѣръ, отъ чувственнаго — къ нечувственному, отъ «внѣшняго» — къ «внутреннему», отъ созерцающаго — къ

мыслящему); или освободилъ себя отъ воспріятія *одного предмета*, осуществляя воспріятіе другого; или же уклонился *совсѣмъ* отъ *предметнаго* опыта, удовлетворяясь его безпредметными суррогатами. На самомъ же дѣлѣ опытъ остается налицо во *всѣхъ* этихъ случаяхъ; ибо предвосхитить не значитъ обойтись *безъ* него, но значитъ получить его на невѣрномъ, на дурномъ пути; специфическій опытъ не перестаетъ быть опытомъ, а невѣрный или безпредметный опытъ отнюдь не открываетъ душѣ сверхъ-опытную сферу.

Необходимо покончить разъ навсегда съ предразсудкомъ «внѣопытнаго знанія». Философскія ученія дѣлятся не на «опытныя» и «сверхъ-опытныя», а на такія, которыя *сознательно культивируютъ предметный опытъ*, и такія, которыя этого *не* дѣлаютъ. Ибо отъ опыта не освобождаетъ никакая *интуиція*, никакое «прозрѣніе», никакая метафизическая *спекуляція*, никакая раціоналистическая *дедукція*.

То, что обычно называютъ *интуиціей* или «прозрѣніемъ» есть или *случайное опытное воспріятіе предмета*, надъ которымъ философъ не властенъ, котораго онъ не умѣетъ ни повторить, ни провѣрить, ни подвергнуть систематическому очищенію, — и именно потому безпомощно ссылается на таинственную «интуицію»; или же это есть *систематическое, методически руководимое опытное созерцаніе предмета*. Въ обоихъ случаяхъ опытъ имѣется налицо; однако въ первомъ случаѣ философъ не владѣетъ имъ, не организуетъ его, не превращаетъ его въ сознательно практикуемый *методъ*, тогда какъ во второмъ случаѣ опытное воспріятіе становится подлиннымъ, систематически примѣняемымъ орудіемъ или *методомъ познанія*. Это значитъ, что «интуиція» не только не «освобождаетъ» отъ предметнаго опыта,

но сама есть не что иное, какъ извѣстная стацiя осуществляемаго опыта; и такъ обстоитъ дѣло не только въ философiи, но и во всякомъ *религiозномъ* откровенiи, и въ *нравственномъ* наитiи, и въ творческомъ воображенiи *художника*.

Подобно этому отъ опыта не освобождаетъ никакая метафизическая *спекуляцiя*. Во всякой подлинной, глубокой философiи «спекуляцiя» покоится на систематическомъ созерцанiи предмета; она питается этимъ опытнымъ воспрiятiемъ, почерпаетъ изъ него свое содержанiе и провѣряетъ себя его показанiями; такъ, что истинный философъ дорожитъ въ своемъ творчествѣ отнюдь не игрою мысли и не комбинацiями понятiй, но именно систематическимъ опытомъ и *систематическою интуицiею предмета*. Бываетъ и такъ, что опытъ и созерцанiе прерываются или восполняются чисто мысленнымъ, гипотетическимъ или дивинаторнымъ, напряженiемъ; но именно такiе перерывы и восполненiя порождаютъ наиболѣе *субъективный* элементъ всего ученiя. Аналитическое или синтетическое придумыванiе всегда рискуетъ исказить, изуродовать предметную ткань теорiи и этотъ рискъ слишкомъ часто ведетъ къ глубокимъ искаженiямъ и ущербамъ. Философъ до-думываетъ и при-вдумываетъ именно тамъ, гдѣ онъ *не-до-внялъ* предмету, т. е. гдѣ его вниманiе, или, что то же, его предметное «внутрь-иманiе» — не выдержало и изнемогло. Конечно, въ этомъ додумыванiи онъ иногда вѣрно предвосхищаетъ возможныя показанiя опыта, къ которому онъ всегда обязанъ обратиться въ дальнѣйшемъ; но понятно, что это предвосхищенiе будетъ содержательно-вѣрнымъ и цѣннымъ лишь постольку, поскольку ранѣе состоявшiйся опытъ былъ дѣйствительно предметнымъ.

Напрасно думать, будто возможно спекулятивное знаніе въ смыслѣ *неопытнаго происхожденія*. Съ идеей такого знанія побѣдоносно боролся еще Кантъ; и, когда его ближайшіе преемники—Фихте, Шеллингъ, Гегель снова вернулись къ «метафизикѣ», то въ основѣ ея лежалъ уже *новый опытъ*, почерпнутый изъ ново-открытой Кантомъ духовно-творческой сферы въ «субъектѣ». «Метафизическія» выдумки, сложившіяся на основаніи случайнаго, непровѣреннаго, или, еще хуже, *чужого* и *безпредметнаго* «опыта» — остаются всегда возможными; но такія построенія будутъ всегда подобны карточнымъ домикамъ: первое же прикосновеніе предметной дѣйствительности превратитъ ихъ въ развалины.

Наконецъ, и *дедукція* невозможна безъ опыта. Великія философскія ученія, подобно системѣ Спинозы, дедуктивны только *по формѣ изложенія*. Ибо ихъ «верховная идея» *уже* сосредоточиваетъ въ себѣ результатъ долгой и систематической интуитивно-опытной практики; она *уже* таитъ въ себѣ все испытанное содержаніе предмета, и, развертываясь, обнаруживаетъ дедуктивно то, что добыто долгимъ опытнымъ страданіемъ въ предметѣ. Понятно, что предметная вѣрность всей послѣдующей «дедукціи» зависитъ именно отъ предметной вѣрности первоначальнаго опыта. Въ такихъ ученіяхъ опытъ до извѣстной степени отрывается отъ послѣдующаго разумнаго развертыванія, но онъ отнюдь не отсутствуетъ и не смолкаетъ; онъ *не* обогащается и *не* исправляется въ процессѣ дедуктивнаго построенія и въ этомъ есть извѣстная опасность и дефектъ; но вся теорія покоится на его эксплуатаціи и, принципіально говоря, не смѣетъ дать болѣе того, что она получила изъ опыта. Вотъ почему

мыслитель, который созерцательно продумаетъ «опредѣленія» установленныя Спинозою въ началѣ «Этики»,—усвоитъ безъ труда всѣ дальнѣйшія «теоремы» и никогда не приметъ «геометрическій» *способъ изложенія*, за подлинный познавательный методъ великаго «раціоналиста». Настоящая философія понимается не отвлеченною мыслью, но только *конгеніальнымъ предметнымъ видѣніемъ*.

Понятно, что безъ опыта не могутъ обойтись и повседневныя «дедуктивныя построенія» въ философіи; но въ нихъ опытъ остается случайнымъ, непровѣреннымъ и, часто, дурнымъ и убогимъ. Это бываетъ особенно тогда, когда построяющій умъ сознательно разрѣшаетъ себѣ пренебрегать опытомъ и сочетаетъ дедуктивное тяготѣніе съ релятивистическою постановкою вопроса: тогда возникаютъ произвольныя и безпочвенныя комбинаціи, прикрываемыя нерѣдко ссылкою на безысходный «субъективизмъ» всякой философіи. «Можно *такъ* построить», разсуждаетъ безпочвенный комбинаторъ понятій, «тогда выйдетъ то-то; а можно иначе,—тогда выйдетъ другое». Но *какъ* именно *необходимо* и *должно* строить, повинуясь предмету, — онъ не знаетъ и не можетъ знать, потому что опытъ его безпредметенъ и не систематиченъ. Такіе «строители» философскихъ теорій не обходятся *совсѣмъ* безъ интуитивнаго опыта; но они не культивируютъ его предметную основу и довольствуются случайными, мимоходомъ добытыми данными; они не созерцаютъ, а подглядываютъ; не испытываютъ, а похищаютъ; и, подвергая свой скудный матеріалъ произвольной и безпринципной перетасовкѣ, они уродуютъ въ корнѣ свои, ни для кого не убѣдительныя, построенія.

4.

Философское знаніе есть *опытное* знаніе. Что бы ни изслѣдовалъ философъ, онъ не имѣетъ другого источника; и въ этомъ его положеніе подобно положенію всякаго другого ученаго. Философская наука, какъ таковая, покоится на предметномъ опытѣ, т. е. на провѣренномъ, вѣрномъ, адэкватномъ воспріятіи изучаемаго предмета изучающею душою. Безъ этого воспріятія душа философа остается познавательно-безсильною и некомпетентною. Такъ, сознаніе не воспринимающее чистаго, безо̂бразнаго понятія, не въ состояніи формулировать законовъ логики; душа, отвращающаяся отъ показаній совѣсти, безсильна судить о добрѣ и злѣ; сужденіе о красотѣ и художественности безпредметно и праздно, если о̂рганъ эстетическаго воспріятія, пребываетъ въ бездѣйствіи и немощи. Самое обычное, отвлеченное мышленіе, при всей своей «формальности» есть своего рода *опытъ* и этотъ опытъ нуждается въ *культурѣ*; именно поэтому такъ безплоденъ споръ съ некультурнымъ человѣкомъ, не привыкшимъ испытывать неизмѣнную тождественность понятія и принудительность вѣрнаго силлогизма. Итакъ *не испытанное содержанее — не познано*; *неиспытуемое содержаніе — непознаваемо*. Такова *первая аксіома философской методологіи*.

Однако это совсѣмъ не означаетъ, что *всякій* опытъ есть *чувственный* опытъ, т. е. что онъ *состоитъ* въ воспріятіи *вещи тѣлесными «чувствами»*. Безспорно: всякій чувственный опытъ есть опытъ; но далеко не всякій опытъ есть опытъ чувственный. И вотъ, философія творится именно *нечув-*

ственнымъ опытомъ; въ этомъ *вторая аксіома философской методологіи*.

Душа человѣка можетъ испытывать и фактически испытываетъ многое *не* чувственное. Правда, обычное сознаніе занято по большей части чувственными воспріятіями: оно-то живетъ непосредственно въ наплывающихъ извнѣ звукахъ, краскахъ, пространственныхъ образахъ и ощущеніяхъ своего тѣла, оріентируясь черезъ ихъ посредство въ мірѣ вещей и строя по нимъ свою жизнь; то оно занято тѣмъ, что воображаетъ поблекшія тѣни воспринятыхъ вещей, возрождая ихъ изъ прошлаго и подчасъ разжигая еще сильнѣе ихъ яркость. И даже тогда, когда она имѣетъ дѣло съ нечувственными предметами, она воспріемлетъ ихъ въ ихъ чувственномъ воплощеніи, подставляя вмѣсто общаго — частное и вмѣсто идеи — одноименный образъ, осуществляя волевой порывъ тѣлодвиженіемъ, выражая напряженное чувствованіе смѣхомъ, рыданіемъ, воплемъ. Даже «отвлеченное» мышленіе обычнаго сознанія бредетъ по чувственнымъ образамъ и схемамъ; и двигаясь въ лѣсу понятій, оно опирается на чувственные костыли и спотыкается о чувственные образы.

Тѣмъ не менѣе и оно имѣетъ дѣло съ нечувственными содержаніями. Конечно, сенсуальные образы вещей проникаютъ глубоко въ безсознательное человѣка; они служатъ ему легкимъ, гибкимъ орудіемъ, то радуя духъ созданнымъ совершенствомъ, то угнетая душу загадочными ночными страхами. Но, въ то же время, они легко блекнутъ, таютъ и исчезаютъ въ неопредѣленности. И именно тогда, когда они становятся совсѣмъ неопредѣленными и неуловимыми, каждый изъ насъ можетъ замѣтить, что *духъ иногда про-*

должаетъ жить съ интенсивностью, не соотвѣтствующею чувственной безсодержательности акта. Дѣло не сводится къ тому, что душа «продолжаетъ волноваться» подъ воздѣйствіемъ *забытыхъ* ею, т. е. вытѣсненныхъ въ безсознательное, *чувственныхъ содержаній*. Здѣсь можно обойти вопросъ о томъ, сохраняетъ ли чувственное содержаніе свою сенсуальную природу, *послѣ того*, какъ актъ вытѣсняющаго забвенія отрываетъ его отъ ощущающихъ и воображающихъ силъ души, сберегая его аффективные слѣды и его травматическое вліяніе на весь строй души. Можно даже *условно* принять, что *всякій* душевный процессъ нуждается въ качествѣ возбудителя или разрядителя въ чувственномъ раздраженіи или воспріятіи. Но даже это условное допущеніе отнюдь не предрѣшитъ еще вопроса о томъ, *исчерпывается ли весь объемъ души чувственными* содержаніями? Если даже допустить, что душа просыпается *только* отъ сенсуальнаго толчка или воздѣйствія, то остается еще возможность, что этотъ толчокъ пробуждаетъ въ ней *нечувственные акты* и, соотвѣтственно, *нечувственныя содержанія*. Поводъ не предопредѣляетъ еще свойствъ результата; пробуждающаяся сила можетъ быть инородна возбудителю. Именно этому благодатному восхожденію души отъ чувственнаго воспріятія къ нечувственной жизни и былъ посвященъ въ древности паѳосъ Платона.

На самомъ дѣлѣ силы души могутъ быть заполнены *нечувственными содержаніями*, т. е. такими, которыя лишены не только пространственно-матеріальнаго но и протяженно-о̂бразнаго характера, и не имѣютъ для себя *никакого*, не только «адэкватнаго», но даже «подобнаго» чувственнаго коррелата.

Такъ, самый *строй содержаній*, открывающихся логически-зрѣлому *мышленію*, имѣетъ нечувственную природу и являетъ зрѣлище, привычное оку нечувственной мысли, но невидимое для глаза, взирающаго на вещи. Современная логика, въ лицѣ Хуссерля, слѣдуя за Больцано, убѣдительно показала, что человѣку доступно, при извѣстной внутренней культурѣ, *безо́бразное мышленіе* и что именно такому и только такому мышленію открывается строй понятій, во всей его законченности и чистотѣ. Понятіе и вещь, смыслъ и образъ суть предметы различныхъ измѣреній. Чувственной вещи свойственно непрерывно мѣняться; понятію и смыслу свойственно ненарушимое *тождество*. Различіе чувственныхъ содержаній и вещей доходитъ только до противоположности; различіе понятій всегда закрѣплено остротою *противорѣчія*. Только нечувственное содержаніе и нечувственный предметъ могутъ имѣть логическій «объемъ» и логическое «содержаніе»; только имъ можетъ быть свойственна «родовая-видовая» связь; именно они слагаются въ логическія «сужденія-тезисы»; только при ихъ помощи можно строить силлогизмы, доказывать, познавать и спорить. Примѣшиваясь къ этому строю, чувственные образы отчасти искажаютъ его, отчасти подчиняются ему, но *отнюдь не совпадаютъ* съ нимъ и не отождествляютъ своихъ законовъ съ его законами. Зрѣлая мысль видитъ инородность и специфичность этихъ рядовъ; незрѣлая душа блуждаетъ, смѣшиваетъ и запутывается. И, тѣмъ не менѣе, *всякій* человѣкъ, поскольку онъ *умозаключаетъ* или *споритъ*, имѣетъ дѣло съ *нечувственными*, *логическими* содержаніями, какъ бы безпомощно, сбивчиво и недоумѣнно онъ ни обходился съ ними. Именно въ этомъ нечувственномъ видѣ

мыслитель познаетъ *истину*, ибо истина есть всегда *истинный смыслъ*, подлежащій закону тождества и закону внутренней непротиворѣчивости. Итакъ, истина имѣетъ нечувственную форму и путь къ ней ведетъ черезъ воспріятіе нечувственныхъ содержаній.

Далѣе, и *волѣ* доступны нечувственныя содержанія. Обращаясь къ какому-нибудь содержанію и пріемля его, воля дѣлаетъ его *цѣлью*, т. е. предвосхищаемымъ предметомъ своихъ творческихъ напряженій. Это предвосхищеніе и творчество можетъ относиться къ вещественно-чувственнымъ явленіямъ, но можетъ возводить душу и къ нечувственнымъ обстояніямъ. Такова, напримѣръ, воля къ истинѣ. Но еще доступнѣе для обычнаго сознанія *воля къ добру*, также возводящая душу къ особымъ нечувственнымъ содержаніямъ. Когда добро является искомымъ и осуществляемымъ заданіемъ, то душа имѣетъ передъ собою проблему *объективной цѣнности* своей цѣли и обусловливаетъ пріятіе цѣли именно ея объективною цѣнностью; она вопрошаетъ о нравственно-наилучшемъ, *совершенномъ*, и къ нему примѣняетъ свою волю. Это вовлекаетъ волю въ особое цѣнностное измѣреніе дѣйствій и состояній, и дѣлаетъ предметомъ ея особое *нечувственное качество*, именуемое *нравственнымъ совершенствомъ*. Нравственное совершенство обрѣтается особымъ нечувственнымъ органомъ души, именуемымъ *совѣстью* и не поддается никакому чувственному воспріятію. Совѣстный актъ, имѣющій сложную, эмоціонально-познавательную, но прежде всего, *волевую* природу, заставляетъ человѣка воспринять нравственное *совершенство*, какъ *живую сверхчувственную силу* — сначала въ самомъ себѣ, а потомъ и въ другихъ людяхъ; и на этомъ пути

душа вовлекается въ особое, опытное, но нечувственное созерцаніе міра и привыкаетъ вращаться среди тѣхъ содержаній, нечувственный строй которыхъ можетъ быть оріентированъ на чувственныхъ явленіяхъ и образахъ, но отнюдь не совпадаетъ съ ними своимъ строемъ и своими категоріями. Таково, напримѣръ, обстояніе *нравственной правоты, побѣждающей въ жизни вопреки своему житейскому безсилію*. Великіе созидатели этики всегда утверждали, что совѣстный опытъ вводитъ душу въ новый порядокъ бытія, какъ бы ни охарактеризовать этотъ строй, какъ «даймоническій», вмѣстѣ съ Сократомъ, или какъ «нравственный міропорядокъ», вмѣстѣ съ Фихте, или же какъ сферу «всеобщей воли» вмѣстѣ съ Гегелемъ.

Добро есть нечувственный предметъ; совѣсть есть живой органъ, открывающій къ нему доступъ. Поэтому *всякій* человѣкъ, поскольку онъ не сталъ жертвой исключительной, сатанинской злобы, поскольку онъ способенъ видѣть нравственно лучшее и желать его, — имѣетъ дѣло съ *нечувственными, этическими содержаніями*, какъ бы безпомощно и сбивчиво онъ ни обходился съ ними.

Подобно этому человѣку доступенъ цѣлый рядъ *аффектовъ*, посвященныхъ нечувственнымъ содержаніямъ. Напрасно было бы думать, что аффекты души могутъ плѣняться и возгораться только отъ воспріятія вещей или ихъ протяженныхъ образовъ. Если даже обычно страсть человѣка прилѣпляется къ внѣшней видимости, то это еще не значитъ, что ею не руководитъ въ этомъ смутное исканіе сверхчувственной сущности. *Искусство* обнаруживаетъ это исканіе съ несомнѣнною опредѣленностью и силою: ибо то, что вынашиваетъ и осуществляетъ истинный художникъ

есть всегда обстояніе, несводимое къ чувственной видимости его произведенія. Художественный аффектъ, приводящій въ движеніе творческую фантазію, всегда глубже своего чувственнаго повода; такъ, что предметное содержаніе эстетическаго произведенія никогда не исчерпывается его чувственно воспріемлемою матеріею. Истинный художникъ ищетъ не «удачнаго» выраженія и не «красиваго» сочетанія, но *красоты*: онъ стремится *явить сверхчувственное, предметное содержаніе своего аффекта* въ видѣ адэкватнаго, чувственно-единичнаго образа, «красивость» и «удачность» котораго могутъ быть только порожденіемъ сверхчувственнаго предмета, уловленнаго въ адэкватномъ опытѣ. Такова природа всего художественнаго.

Однако жить сверхчувственнымъ содержаніемъ дано не только аффекту, обращенному къ *красотѣ*, но и аффекту, религіозно обращенному къ *Богу*, этически обращенному къ *добру* и познавательно обращенному къ *истинѣ*. Молитва, умиленіе, покаяніе, міровая скорбь, сомнѣніе и очевидность — вотъ состоянія души, которыя доступны всѣмъ людямъ и въ которыхъ аффектъ одержимъ сверхчувственнымъ содержаніемъ. Историку духовной жизни достаточно указать на молитвенный экстазъ брамина, на одухотворенный эросъ Сократа, и на ту «интеллектуальную любовь къ Богу», о которой говорилъ Спиноза; а христіанину надлежитъ вспомнить о томъ поклоненіи «духомъ и истиною», которому училъ Христосъ.

Наконецъ, самое *воображеніе* можетъ быть посвящено нечувственнымъ содержаніямъ, — и въ повседневной жизни, поскольку человѣкъ воображаетъ себѣ душевныя состоянія своихъ ближнихъ, и въ искусствѣ, поскольку оно изобра-

жаетъ состоянiе человѣческаго духа, и въ религiи, поскольку душа восходитъ къ созерцающему воспрiятiю Божества, и въ философiи, поскольку воображенiе покорно слѣдуетъ указанiямъ безо̀бразной мысли или сверхчувственнаго воленапряженiя.

Все это означаетъ, что старая классическая формула «nihil est in intellectu, quod non fuerit ante in sensu», — невѣрна; и не только потому, что она принимаетъ генетическiй поводъ переживанiя за самое содержанiе возникшаго акта, но и потому, что *сенсуальность* отнюдь не есть черта, свойственная *всѣмъ* содержанiямъ души и духа. Здѣсь недостаточна даже оговорка «nisi intellectus ipse»; ибо дѣло не только въ томъ, что самъ познающiй интеллектъ имѣетъ нечувственную природу, но въ томъ, что духъ человѣка *можетъ* и *долженъ* имѣть дѣло съ нечувственными содержанiями и, — черезъ нихъ, — со сверхчувственными предметами.

Духовная же значительность этого опыта говоритъ сама за себя.

5.

Значительность этого опыта опредѣляется самою природою его предметовъ. Философiя изслѣдуетъ сущность самой *истины*, самого *добра* и самой *красоты*; она изслѣдуетъ самую *сущность бытiя* и жизни, вопрошая объ ихъ сверхчувственной первооснове; она изслѣдуетъ самый *духъ человѣка* и природу его основныхъ *актовъ*, воспринимающихъ эти предметы; она изслѣдуетъ *право*, какъ необходимый способъ духовной жизни, какъ естественный аттрибутъ

человѣческаго духа. Иными словами, она изслѣдуетъ божественную природу во всѣхъ предметахъ и, наконецъ, восходитъ къ познанію самого *Божества*, какъ единаго лона и источника всего, что божественно.

Всѣ эти предметы философія утверждаетъ, какъ сверхчувственные и, въ то же время, какъ *объективно обстоящіе*; причемъ недоступность ихъ для тѣлеснаго воспріятія нисколько не умаляетъ ихъ объективности. Сверхчувственный предметъ объективенъ; это значитъ, во-первыхъ, что онъ сохраняетъ свой особый *способъ* обстоянія, отличающійся отъ того способа, который присущъ его отраженію въ человѣческой душѣ (*категоріи* предмета не совпадаютъ съ *категоріями* одноименнаго «содержанія сознанія»); это значитъ, во вторыхъ, что онъ сохраняетъ свои *самобытныя черты и качества*, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя человѣкъ приписываетъ ему по недоразумѣнію (*содержаніе* сознанія можетъ не совпадать съ *содержаніемъ* предмета); это значитъ, въ третьихъ, что онъ сохраняетъ свое *единство*, несмотря на множественность тѣхъ субъективныхъ актовъ, которые направлены къ его воспріятію и тѣхъ содержаній сознанія, которыя человѣкъ нарекаетъ его именемъ. Такъ, *понятію* свойственно обстоять по категоріи тождества, несмотря на то, что философы не разъ приписывали ему процессуальность и измѣнчивость; такъ *праву* совсѣмъ не присуща черта насильственнаго принужденія, несмотря на то, что юристы не разъ приписывали ему эту черту; такъ, *Божеству* свойственно объективное единство, несмотря на множество субъективныхъ религіозныхъ воззрѣній и концепцій. *Добро* едино, хотя исторія создала множество «этическихъ ученій»; *красота* объективна, хотя художники видятъ ее «субъек-

тивно» и осуществляютъ ее по своему; и самая *жизнь человѣческаго духа* имѣетъ трагическую природу, вопреки всѣмъ попыткамъ изобразить ее, какъ идиллію.

Понятно, что объективность сверхчувственнаго предмета усматривается не всѣми и познается немногими. Изслѣдованіе его требуетъ особаго подхода, особаго воспріятія, особой культуры воли и вниманія; оно возможно только при спецификаціи душевно-духовнаго опыта и удается только тому, кто выработалъ въ себѣ *умѣніе внимать сверхчувственному предмету*. Изслѣдуя свой предметъ, философія начинаетъ съ реальнаго воспріятія и подлиннаго опыта; она останавливается первоначально на единичномъ воспріятіи и добивается въ его предѣлахъ адэкватности, стремясь воспринять предметъ такъ, какъ онъ есть *на самомъ дѣлѣ*, т. е. такъ, какъ онъ есть *для всѣхъ и каждаго*, т. е. такъ, какъ онъ есть *самъ по себѣ* и какъ, слѣдовательно, онъ долженъ быть правильно и адэкватно воспринятъ всѣми; этимъ она какъ бы переселяетъ содержаніе предмета въ среду испытующей души, чтобы вслѣдъ затѣмъ сосредоточить все вниманіе на усмотрѣніи *сущности* этого адэкватно испытаннаго содержанія, на уловленіи ея — мыслью и на выраженіи ея — словомъ.

Все это удается, конечно, не сразу, не всегда и не при всякихъ условіяхъ; это требуетъ большого напряженія всѣхъ силъ души, и притомъ не только позитивнаго, но и негативнаго напряженія, т. е. и въ смыслѣ интенсивнаго *участія*, и въ смыслѣ произвольнаго *задержанія* той или иной функціи. Здѣсь бываетъ необходима и своеобразная, утонченная, индуктивно-экспериментальная провѣрка внутренняго опыта, — то скепсисъ и осторожное, крадущееся

вопрошаніе, то наблюденіе за собою, самоанализъ и humor sui, то забвеніе о себѣ и сосредоточенное погруженіе въ непосредственное переживаніе предмета.

Но и этого мало. Философъ, больше, чѣмъ всякій другой ученый, долженъ *овладѣть силами своего безсознательнаго*, очистить ихъ, придать имъ гибкость и покорность, сдѣлать ихъ совершеннымъ орудіемъ предмето - видѣнія.

Въ древней философіи, и ранѣе еще, въ древнихъ религіяхъ, была выношена увѣренность въ томъ, что человѣку, ищущему познать подлинную природу высшихъ предметовъ и цѣнностей, необходимо осуществлять въ постоянной внутренней работѣ особое *очищеніе ума и души*. Человѣчество долго и мучительно отыскивало вѣрные пути къ такому очищенію. Исторія этихъ исканій полна глубокой значительности: начиная отъ аскетическихъ упражненій индійскихъ йоги, искавшихъ духовной чистоты черезъ волевое покореніе индивидуальнаго тѣла, она восходитъ къ греческимъ мистеріямъ съ ихъ искупительными жертвами, покаяніемъ и символическимъ восхожденіемъ отъ мрака къ свѣту. Древніе народы знали государственно-узаконенные обряды, совершавшіеся ради очищенія души всякаго, ищущаго въ жизни предметной чистоты. Христіанство, сосредоточившее вниманіе человѣчества именно на его внутренней жизни, установило посты, учредило исповѣдальни и очищающія, подъемлющія душу таинства. И когда современная наука, въ лицѣ князя С. Н. Трубецкого, глубокомысленно связываетъ исторію философіи съ исторіей религій и мистерій, то она движется по вѣрному пути: ибо *философія съ самаго начала приняла въ себя тотъ самый предметъ, въ аффективно-ирраціональномъ переживаніи*

котораго пребывала религія. Философія, по слову Гегеля, есть культивированіе *религіознаго содержанія*, но въ иной формѣ, — въ формѣ систематическаго опыта и разумнаго, очевиднаго и адэкватнаго, мыслящаго *познанія*.

Вотъ почему еще древніе философы унаслѣдовали отъ религіи, вмѣстѣ съ предметомъ, *идею очищенія души*; а исторія превратила ее въ глубокую и утонченную традицію. Достаточно вспомнить мистеріи пиѳагорейцевъ и ихъ дѣленіе адептовъ на «акусматиковъ» и «математиковъ»; или ученіе Гераклита о томъ, что познаніе божественнаго огня доступно только душѣ, обладающей «сухимъ блескомъ»; или требованіе Парменида объ отреченіи отъ чувственныхъ воспріятій и объ обузданіи воображенія мыслью. Недаромъ Сократъ соединялъ познаніе добра съ воспитаніемъ души къ добру и, слѣдуя за дельфійскимъ богомъ, начиналъ съ «самопознанія»; недаромъ Платонъ чтилъ мистеріи и училъ о томъ, что философъ при жизни умираетъ для земного міра; недаромъ Аристотель требовалъ отъ философа высшей, діаноэтической добродѣтели. Это исканіе живетъ и въ новой философіи: достаточно вспомнить медитаціи Декарта или глубокомысленный трактатъ Спинозы объ «очищеніи интеллекта». Фихте прямо высказываетъ эту связь между *знаніемъ* философа и его жизненно-духовнымъ опытомъ: человѣкъ выговариваетъ въ философіи только то, что онъ самъ творитъ духомъ и жизнью; а Гегель даетъ немало тонкихъ указаній человѣку, ищущему подлиннаго философскаго созерцанія. Наконецъ, современная наука о душевныхъ болѣзняхъ, въ лицѣ осторожнаго и зоркаго Зигмунда Фрейда, открываетъ *психоанализъ*, какъ методъ, которымъ человѣкъ можетъ не только исцѣлить и очистить свое безсознательное,

но и сообщить своему духу органическую цѣльность, чуткость и гибкость.

Въ жизни философа душа является *орудіемъ богопознанія*. Естественна и необходима забота о здоровіи, чистотѣ и гибкости этого орудія, о его непомраченности и свободѣ. Цѣлостно испытать сверхчувственный предметъ значитъ сдѣлать свою душу одержимою имъ. Но для этого душа должна быть способна къ произвольному сосредоточенію вниманія, къ непредвзятому подходу, къ цѣлостной преданности предмету, къ легкой покорности его зовамъ и откровеніямъ; она должна владѣть — и бурями своихъ страстей, и своими жизненными предразсудками, и своими житейскими попеченіями. Философъ долженъ выковать себѣ *свободу духа* для того, чтобы наполнить ее силою и славою своего Предмета и на этой силѣ утвердить энергію своего познанія и своего жизненнаго акта.

Человѣчество вѣками вынашивало увѣренность въ томъ, что философія есть знаніе *цѣннѣйшихъ* предметовъ въ ихъ основной сущности; что это знаніе требуетъ особаго, внутренняго, нечувственнаго *опыта*; и что добиваться его адэкватности необходимо посредствомъ особаго внутренняго *труда* и жизненнаго *очищенія*. И человѣчество не ошибалось въ этомъ. Всѣ люди различны и своеобразны; каждый чувствуетъ, желаетъ, воображаетъ и думаетъ по своему; и у каждаго желанія и чувства руководятъ воображеніемъ и поставляютъ мысли такой опытъ и такія содержанія, которыя, можетъ быть, субъективно наиболѣе пріемлемы, пріятны, а объективно — нерѣдко наиболѣе непріемлемы. Но, при всей этой пестротѣ субъективныхъ состояній, *предметъ* остается *единымъ*, *объективнымъ* и *для всѣхъ общимъ*. Люди

различны; но предметъ одинъ и истина одна. Отсюда необходимость приспособленія субъективнаго своеобразія къ объективной природѣ предмета, необходимость адэкватнаго «переселенія» предметнаго содержанія въ личный опытъ. Для того, чтобы вѣрно познавать, философъ долженъ *жить* такъ, чтобы его предметъ становился его *собственнымъ* жизненнымъ содержаніемъ; онъ долженъ *жить тѣмъ, что познаетъ*; такъ, чтобы его *личная жизнь* стала *жизнью предмета въ немъ*.

Такова основа философіи, усмотрѣнная еще пиѳагорейцами и Гераклитомъ, выношенная Сократомъ и Платономъ, и возрожденная Спинозою, Фихте и Гегелемъ. Только черезъ признаніе и соблюденіе ея возможна и *философія*, и *исторія философіи*.

Философія, какъ наука, возможна только тогда, если возможенъ *споръ* о ея предметѣ; а споръ есть *предметное* состязаніе объ истинѣ, допускающее съ самаго начала, что предметъ *единъ* для двухъ субъектовъ, что онъ *общъ* имъ, и что они могутъ *одинаково воспринять* его, одинаково *зажить* имъ и *тождественно формулировать* его объективное содержаніе.

Исторія философіи имѣетъ смыслъ только тогда, если люди, разобщенные душою, эпохою, культурою и языкомъ, пространствомъ и временемъ, — имѣютъ дѣло съ единымъ, *общимъ предметомъ* и могутъ одинаково переживать его, понимать *видѣніе своихъ предшественниковъ*, усвоивать его, и видѣть благодаря этому больше, чѣмъ виделось ранѣе; и такъ накоплять богатство истиннаго знанія.

Философія и исторія философіи покоются на *живомъ испытаніи сверхчувственныхъ предметовъ* и, притомъ, *ва-*

жнѣйшихъ и цѣннѣйшихъ въ жизни человѣчества. Въ этомъ основная природа обѣихъ наукъ; отсюда и возможность ихъ преподаванія.

6.

Все это съ очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что философія, какъ наука, основанная на *предметномъ опытѣ*, не только не чужда жизни, но связана съ нею глубочайшею и драгоцѣнною связью. Настоящая, большая философія, заслуживающая своего имени и ведущая къ дѣйствительной мудрости, слагается въ предметномъ переживаніи и вѣрномъ познаваніи тѣхъ *цѣнностей*, черезъ которыя самая *жизнь человѣческая получаетъ свой смыслъ и свое значеніе*; она изслѣдуетъ то, *ради чего человѣку и человѣчеству только и стоитъ жить на землѣ*; и изслѣдованіе это требуетъ отъ изслѣдователя *подлинной жизни въ предметѣ.*

Именно *опытъ* дѣлаетъ философію *наукою* и вводитъ ее въ глубину *жизни*. Ибо наука вообще невозможна внѣ опыта; она питается опытнымъ переживаніемъ предмета, его *систематическимъ воспріятіемъ и созерцаніемъ*. Систематическое воспріятіе есть уже, само по себѣ, *живая и жизненная практика*, воспитывающая душу и населяющая ее предметными содержаніями. Но философъ вводится этою практикою именно въ тѣ предметныя содержанія, черезъ которыя жизнь человѣка есть *жизнь*, а не бытъ, не прозябаніе и не пресмыканіе. Ибо, на самомъ дѣлѣ, жизнь человѣка есть не игра естественныхъ силъ и не безпринципная борьба за существованіе, но *творческій процессъ*, протекающій *предъ лицомъ Божіимъ* и при участіи *божественныхъ силъ*,

живущихъ въ человѣкѣ. Жить значитъ сочетать, соединять подлинную *цѣнность* съ подлинною *силою*; придавать объективно-цѣнному природу силы и сообщать силѣ значеніе объективной цѣнности и правоты; иными словами: осуществлять *цѣнность*, какъ *побѣждающую силу* и осуществлять силу, какъ духовную цѣнность. Но именно таково признаніе философіи, которая изслѣдуетъ *все* въ мѣру его *божественности* и тѣмъ *населяетъ души людей божественными содержаніями*. Вотъ почему она является настоящимъ источникомъ великихъ жизненныхъ *убѣжденій*, безъ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть достойной жизни для человѣка. Ибо нельзя имѣть убѣжденіе по приказу; не стоитъ имѣть убѣжденіе по суевѣрію или изъ страха; его можно имѣть только по *самостоятельно испытанной очевидности*. И вотъ, философія, пріемля въ себя предметъ религіи, имѣетъ заданіе открыть *каждому* доступъ къ *самостоятельному испытанію очевидности* въ вопросахъ *высшаго и послѣдняго жизнеопредѣленія*. Этимъ она соблюдаетъ *автономію личнаго духа*; но этимъ она соблюдаетъ и *предметъ* религіи, преодолѣвая всяческій нигилизмъ, релятивизмъ и безпринципность. Предметный опытъ философіи есть путь достойный и человѣческаго духа, и его божественнаго предмета.

Итакъ, въ основѣ философіи лежитъ систематическая практика духовнаго опыта. Однако этотъ опытъ, ведущій философію, совсѣмъ не является достояніемъ замкнутой коллегіи ученыхъ. Напротивъ, философія, посвящающая себя спеціально этому опыту можетъ явиться только тамъ, гдѣ народъ вынашиваетъ или уже выносилъ зрѣлый духовный опытъ.

Быть ученымъ, быть философомъ — есть, конечно, состоянiе личное, индивидуальное; но имѣть науку, имѣть философiю, религiю, искусство, нравственную культуру, государство — есть состоянiе всенародное, нацiональное. Духовная культура не есть личное, или групповое, или классовое достоянiе; въ своихъ истинныхъ достиженiяхъ она даже сверхнацiональна. Но по своему опытному источнику, по своему творческому ритму и по своему своеобразiю,—она *нацiональна*, а въ предѣлахъ единой, духовно сопринадлежащей нацiи, она *всенародна*. Духовная культура народа опредѣляется тѣмъ, живетъ онъ духовнымъ *опытомъ* или нѣтъ; и если живетъ, то въ лицѣ большинства, или меньшинства, или отдѣльныхъ, исключительныхъ индивидуумовъ; и, притомъ, интенсивна и предметна эта жизнь или нѣтъ. Этимъ то состоянiемъ всенароднаго духовнаго опыта опредѣляется и судьба нацiональной философiи.

Такъ, народъ, утратившiй или выродившiй свой подлинный и чистый религiозный опытъ, будетъ жить, вмѣсто религiи, пустыми суевѣрiями или мертвыми обрядами; слабый въ молитвѣ, немощный въ богоиспытанiи, онъ будетъ мертвенно-безплоденъ и въ *богопознанiи*: его *философiя* будетъ имѣть скудный и блѣдный сверхчувственный опытъ о Богѣ, а его философiя религiи будетъ нагромождать пустыя и мертвыя выдумки. Подобно этому, народъ безсильный въ созерцанiи красоты, съ незрѣлымъ, больнымъ или изуродованнымъ вкусомъ, будетъ имѣть убогое, уродливое, безобразное *искусство*; лишенный органа къ прекрасному, безпомощный въ художественномъ творчествѣ, онъ будетъ не въ состоянiи ни осмыслить эстетическую функцiю души, ни освѣтить мыслью глубину эстетическаго

предмета. Народъ, не выносившій зрѣлаго правосознанія, не создавшій сильной и духовно-вѣрной государственности — не можетъ имѣть подлинной и предметной *философіи права*: она зародится только тогда, когда для него придетъ эпоха великой борьбы за правосознаніе и за настоящую государственность. Тамъ, гдѣ царятъ грубые, жестокіе нравы, гдѣ молчитъ любовь и дружба, гдѣ царитъ корысть и безпринципность, — не расцвѣтетъ философское ученіе о добрѣ; ибо *знаніе* всегда было и всегда будетъ зрѣлымъ завершеніемъ *опыта*, а духовный опытъ нуждается въ національной лабораторіи и возрастаетъ лишь въ атмосферѣ всенародныхъ достиженій.

Философъ, подобно поэту, художнику и ученому, подобно политику и пророку, питается, — сознательно или безсознательно, volens aut nolens, — духовнымъ опытомъ своего народа. Онъ имѣетъ *родину*, т. е. національную духовную культуру, въ которой сложился его индивидуальный духъ, съ его любимыми и ведущими предметными содержаніями, съ его творческимъ актомъ, съ его жизненными убѣжденіями; отъ этой-то духовной культуры питается, — и положительно, и отрицательно, — его личный опытъ и его личное познавательное творчество. Личный духовный опытъ философа въ глубинѣ своей связанъ *происхожденіемъ*, *подобіемъ* и *взаимодѣйствіемъ* съ опытомъ его родного народа; ему удается выработать этотъ опытъ и мобилизовать его, осуществить и осмыслить тѣмъ легче и тѣмъ продуктивнѣе, чѣмъ выше и зрѣлѣе духовный опытъ его народа. Совсѣмъ не случайно, что есть народы, *еще* не имѣющіе или *уже* не имѣющіе своей національной философіи; напротивъ, это естественно и понятно. Ученіе о *добрѣ* нуждается въ

томъ, чтобы нравственность народа выработала себѣ извѣстный устойчивый уровень не только порока, но и *добродѣтели*; и, если этотъ уровень настолько низокъ, что *совѣсть*,—этотъ органъ испытанія добра,—пребываетъ въ національномъ омертвѣніи и жизненномъ бездѣйствіи, то даже нравственно - геніальной натурѣ будетъ трудно подняться до зрѣлаго ученія о добрѣ и злѣ. Подобно этому, философское ученіе объ *истинѣ*, нуждается въ томъ, чтобы *научное знаніе* достигло въ другихъ отрасляхъ высокаго и зрѣлаго уровня: ибо *теорія познанія* выростаетъ только тамъ, гдѣ скопился *опытъ истины*, а этотъ опытъ вынашивается не однимъ философомъ, а *всѣми учеными* и *всѣми мыслителями* даннаго народа. Такъ, сокровищница духовнаго опыта едина и національна, и философъ, по своему призванію, есть его хранитель, углубитель и истолкователь.

То же самое совершается во всѣхъ областяхъ духовной жизни: народъ создаетъ своимъ духовнымъ опытомъ то содержательное богатство и ту духовную среду, въ которой зрѣетъ и творитъ индивидуальный духъ героя, художника и пророка; народъ сообщаетъ своимъ философамъ самый подходъ къ духовному опыту, а философъ даетъ своему народу *углубленіе*, *очищеніе* и *осмысленіе* духовнаго дѣланія. Жизнь народа слагаетъ ту духовную лабораторію, въ которой творитъ потомъ его вождь, — чувствомъ, волею, воображеніемъ, мыслью и дѣяніями. Отсутствіе духовныхъ вождей свидѣтельствуетъ о временномъ духовномъ оскудѣніи націи; и обратно: ибо духовная жизнь народа и его вождей образуетъ нѣкое неразрывное *предметное* единство. *Страданія народа питаютъ мудрость вождя*; *подвиги вождя просвѣтляютъ и очищаютъ мудрость народа*.

Этимъ рѣшается вопросъ о связи между философіей и жизнью: ибо жизнь есть *страданіе, ведущее къ мудрости*, а философія есть *мудрость, рожденная страданіемъ*. Иными словами: жизнь, въ ея настоящемъ, углубленномъ значеніи, есть вынашиваніе и осуществленіе духовнаго, метафизическаго опыта, т.е. опыта, посвященнаго божественному. Философія, въ ея первоначальной, опытной стадіи, разлита въ душахъ всего народа. Каждый человѣкъ, независимо отъ своего образованія и личной одаренности, становится участникомъ національнаго философскаго и метафизическаго дѣла, поскольку онъ въ жизни своей ищетъ истиннаго знанія, радуется художественной красотѣ, вынашиваетъ душевную доброту, совершаетъ подвигъ мужества, безкорыстія или самоотверженія, молится Богу добра, роститъ въ себѣ или въ другихъ правосознаніе и политическій смыслъ, или, даже, просто борется со своими, унижающими духъ слабостями. Такой человѣкъ по *сознанію* своему, можетъ быть *еще не* является философомъ, но *по духовному опыту* своему — онъ *уже* философъ. Въ совокупномъ, всенародномъ духовномъ дѣланіи нѣтъ ни одного усилія, ни одного достиженія, которое пропало бы даромъ: ибо всякое усовершенствованіе, всякое просвѣтленіе въ человѣческой душевной ткани незамѣтно живетъ, и размножается, и передается во всѣ стороны, никогда не исчезая безслѣдно. Здѣсь драгоцѣнно каждое личное состояніе: ибо все поступаетъ въ единую національную сокровищницу духовнаго опыта. Поэтому можно сказать, что *духовный расцвѣтъ народа есть расцвѣтъ его философіи*; и обратно: гдѣ растетъ и углубляется настоящая философія, тамъ народъ уже накопилъ прочный духовный опытъ и продолжаетъ духовно возрастать, — тамъ

жизнь его пребываетъ на достаточной высотѣ и высота эта измѣряется его *философіей*.

Философія родится въ жизни духа и отъ духовной жизни. Поэтому тотъ, кто желаетъ творить ее, долженъ прежде всего начать духовную жизнь; онъ долженъ *быть духовно*. Но духовное бытіе есть такое состояніе, въ которомъ душа *любитъ* божественные предметы, *радуется* имъ и *творитъ* ихъ. Поэтому философъ долженъ прежде *быть духомъ* и *дѣйствовать въ духѣ*; и только это можетъ дать ему *подлинный предметный опытъ*, *энергію мысли* и *право на знаніе*.

Ибо философія больше, чѣмъ жизнь: она есть *завершеніе жизни*; а жизнь первѣе философіи: она есть ея источникъ и предметъ.

III

О ВОЗРОЖДЕНIИ ФИЛОСОФСКАГО ОПЫТА.

I.

Когда историкъ позднѣйшихъ поколѣній, — черезъ сто или болѣе лѣтъ, — будетъ останавливаться мыслью на нашемъ времени, то онъ будетъ изображать его, какъ эпоху *великой духовной смуты.*

И онъ будетъ правъ. Потому что человѣчество въ наши дни дѣйствительно переживаетъ *смутное время.* Въ результатѣ долгаго предшествующаго процесса, истоки и развитіе котораго далеко еще не опознаны, — души людей замутились и всюду воцарилась, по слову русскихъ лѣтописей, «шатость въ умахъ». Человѣчество въ своей массѣ, т. е. въ большинствѣ составляющихъ его индивидуальныхъ душъ, *оторвалось отъ духовной почвы* и потеряло органическую живую связь съ самымъ *корнемъ духовной жизни.* Современный человѣкъ не испытываетъ *главныхъ, священныхъ предметовъ,* не любитъ ихъ, не внимаетъ ихъ зовамъ, духовно не питается ими и не строитъ ими своего міросозерцанія, своего характера, своего жизненнаго дѣланія. Можетъ быть, онъ не видитъ ихъ потому, что не любитъ ихъ; но можетъ быть и обратно — онъ не любитъ ихъ потому, что разучился испытывать и видѣть. Во всякомъ случаѣ онъ часто настолько не видитъ ихъ и не любитъ ихъ, что совсѣмъ перестаетъ вѣрить въ то, что они *вообще имѣются и обстоятъ.*

Но именно поэтому въ душѣ современнаго человѣка

или не остается *ничего священнаго* или же *ничтожное* пріобрѣтаетъ значеніе главнаго и руководящаго. Души людей или духовно слѣпы и пустынны, и тогда онѣ живутъ инстинктомъ, на подобіе животныхъ; или же онѣ близоруки и увлечены тлѣномъ, и тогда ими владѣетъ судьба всего тлѣннаго и суетнаго. Но именно поэтому въ нихъ нѣтъ *духовно-состоятельныхъ* и *предметно-непоколебимыхъ* основъ и граней: ни неба, ни звѣздъ, ни горизонта, ни достиженія. Нѣтъ того, чѣмъ дѣйствительно стоило бы жить и за что, именно поэтому, стоило бы и умереть; нѣтъ бузусловно любимаго, и потому нѣтъ священнаго огня и священнаго гнѣва; нѣтъ тѣхъ высшихъ обязанностей, обязательность которыхъ была бы субъективно-равносильна *неизбѣжности*; нѣтъ и безусловныхъ запретовъ, отъ прикосновенія къ которымъ душа трепетала бы. Современный человѣкъ совсѣмъ не живетъ *духовными необходимостями*, но вращается въ пестрыхъ, условныхъ и относительныхъ, не связывающихъ *возможностяхъ*. Думать, желать, воображать, говорить, слагать стихи и музыку, поступать, — всякій воленъ по своему усмотрѣнію; и все, что бы и кто бы ни сдѣлалъ, будетъ одинаково «условно хорошо» и «условно дурно». Ибо современный «культурный» человѣкъ настолько «уменъ» и «образованъ», что для него давно уже *все условно* и *относительно*; и чего нибудь абсолютнаго, или хотя бы просто безусловно-вѣрнаго — для него нѣтъ и быть не можетъ. Добро и зло; право и безправіе; высокое и низкое; правда и ложь; злодѣяніе и геройство, — все это до такой степени спорно, субъективно и условно, «зависитъ отъ взгляда и вкуса», что не только *доказать*, но и *различить* здѣсь что нибудь — невозможно.

Но именно поэтому за предѣлами повседневнаго быта, его мнимыхъ благъ и двусмысленныхъ принциповъ — современный человѣкъ не видитъ ни *смысла жизни*, ни *цѣли жизни*; и не ищетъ ихъ; и не думаетъ о нихъ. Его воля внутренно раздробленная и ослабѣвшая для духовныхъ побужденій и мотивовъ, гонится за тѣми мелкими цѣлями, которыя подсказываются ему личными потребностями и страстями, и которыя на самомъ дѣлѣ не строютъ жизнь, а только разрушаютъ ее. Ибо за мелкою цѣлью укрывается мелкая, но упорная страсть и извилистая, беззапретная линія поведенія. Вихри мелкихъ цѣлей и страстей скрещиваются, ожесточенно борются, условно и временно, полупредательски солидаризируются, вредятъ другъ другу, государству, культурѣ, человѣчеству, — и уносятся временемъ въ то накапливающееся прошлое, которое чревато для всѣхъ насъ и для нашихъ потомковъ грядущими бѣдами.

И въ основѣ всего этого лежитъ какая то наслѣдственная духовная разочарованность у людей, никогда и не испытывавшихъ того, отъ чего они отвернулись, наивно повѣрившихъ, что духовная слѣпота есть признакъ умственной зрѣлости и безкрыло разлюбившихъ духовный полетъ. *Человѣчество перестало испытывать, видѣть, любить и творить главные, священные, зиждущіе предметы; оно не вѣритъ въ ихъ объективную реальность, въ ихъ изслѣдимость, въ ихъ сущую прекрасность*, въ ихъ *самоцѣнность*, въ ихъ *жизненную силу*, въ ихъ *спасительность*. И отсюда всеобщая смута, всеобщая шатость, духовное разложеніе; подлинное горе отъ мнимаго ума.

Слагается порочный жизненный кругъ: отъ слѣпоты безпомощность; отъ безпомощности несчастность; отъ не-

счастности ожесточеніе; отъ ожесточенія слѣпота. А для того, кто духовно слѣпъ, всякое искушеніе непосильно и всѣ зовы зла неотразимы. Затрудненія пространства и времени, законы инстинкта и хозяйственные механизмы — додѣлываютъ остальное и человѣчество сползаетъ внизъ по наклонной плоскости.

2.

При такомъ положеніи дѣлъ и при наличности такого духовнаго діагноза, философія нашихъ дней должна выступить и установить, что вопросъ *объ объективной реальности и объективномъ значеніи духовныхъ предметовъ* есть вопросъ *философическій* и что разрѣшать его помимо философіи, ея опыта и ея изслѣдованія — невозможно; во всякомъ случаѣ — претенціозно, легкомысленно, несостоятельно, смѣшно. Природа добра, художественной красоты, истины, права и государства, и вообще всѣхъ содержаній, совмѣстно слагающихъ духовно зримую земную ризу Божества, — изслѣдуются философіей и *только* философіей; это предметы *ея* спеціальной компетенціи; это вопросы *ея* вѣдѣнія и *ея* рѣшенія. Сомнѣніе въ бытіи этихъ предметовъ есть *философическое* сомнѣніе, которое обязано осознать свою природу; отрицаніе этихъ предметовъ есть рѣшеніе философическаго вопроса, философски даже не поставленнаго тѣми, кто его якобы рѣшаетъ.

Философія должна установить здѣсь свою непререкаемую компетентность и, далѣе, явную некомпетентность некомпетентныхъ; и вслѣдъ затѣмъ поставить весь вопросъ заново и по существу.

Ибо, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь древняя, исконная, неоспоримая домена философіи; здѣсь ея, именно *ея* опыту открытый, предметъ; здѣсь ея тысячелѣтняя лабораторія; здѣсь ея служеніе, ея сила, ея заслуга и слава. Въ этой лабораторіи все драгоцѣнно и утонченно, все требуетъ облагороженнаго подхода, очистительнаго напряженія, предметной сосредоточенности и духовнаго горѣнія; здѣсь все сложно, глубоко и отвѣтственно; и *каждый* человѣкъ безъ исключенія, по самой духовной природѣ своей, долженъ добыть, заслужить, выработать себѣ доступъ въ нее. Опасность здѣсь конечно, въ томъ, что каждый человѣкъ пріобрѣтаетъ этотъ доступъ *въ самомъ себѣ* и *черезъ самого себя*, въ темной непосредственности своего одинокаго самоуглубленія; и потому онъ оказывается почти *безнадзорнымъ* и *безконтрольнымъ* въ своемъ внутренне-духовномъ дѣланіи; во всякомъ случаѣ — недоступно замкнутымъ для большинства. Въ своей душевной и душевно-духовной жизни каждый человѣкъ уединенъ и непрозраченъ; и трудно бываетъ людямъ сказать о чужой душѣ — пещера ли это, въ которой тлѣетъ колдовской огонь, или келлія, въ которой возжена молитвенная лампада. Высказываясь о **духѣ**, человѣкъ можетъ или совсѣмъ не подозрѣвать, что тутъ нуженъ особый духовный подходъ, что здѣсь особый *опытъ*, требующій особой культуры; или, зная это, онъ можетъ вообразить, что онъ уже пріобрѣлъ этотъ опытъ или даже удостовѣрился въ чемъ то, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ ничего не испыталъ и ничего не увидѣлъ. Ибо имѣть естественное право на духовный опытъ и естественную способность къ нему не значитъ еще осуществлять это право и укрѣплять эту способность.

И такъ возникаетъ эта, столь распространенная въ наши дни, духовная болѣзнь, сочетающая *самоувѣренную претенціозность* въ вопросахъ духа съ *наивною слѣпотою*. Судящіе о духѣ оказываются *само-увѣренными*, ибо безъ общенія съ предметомъ, увѣренность не можетъ стать *предмето-увѣренною очевидностью*. Они *наивны* потому, что не просто не знаютъ духовныхъ предметовъ, но не знаютъ и объ этомъ своемъ незнаніи; и, дважды незнающіе, *слѣпые* и къ предмету и къ себѣ, они судятъ о немъ такъ, какъ если бы они все видѣли и знали. Но именно поэтому они *претенціозны*, ибо, неосновательно посягая, они утверждаютъ небытіе духовныхъ предметовъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они не имѣютъ основанія утверждать ни ихъ бытіе, ни ихъ небытіе.

Такъ слагается духовная язва нашего времени, — эта самодовольная слѣпота въ воспріятіи земныхъ ризъ Божіихъ; имя этой слѣпотѣ — *пошлость*.

3.

Этой наивной и претенціозной слѣпотѣ философія должна противопоставить *подлинный и предметный духовный опытъ*.

Но для этого ей самой необходимо осуществить нѣкоторое самопреодолѣніе.

За послѣдніе полвѣка философія сама почти не работала въ своей настоящей лабораторіи. Переживъ кораблекрушеніе въ моряхъ нѣмецкаго идеализма, пройдя черезъ пустыни матеріализма и узкаго позитивизма, философія вернулась домой растерянная и напуганная, удрученная

теоретико-познавательными страхами и подавленная неокантіанскими вопросами и запретами. Долгое время она не рѣшалась войти въ свою лабораторію и подойти къ своимъ драгоцѣннымъ предметамъ. Она предалась многолѣтней гносеологической рефлексіи. Ей все казалось, что знаніе о знаніи предшествуетъ знанію предмета; что, не изучая самого предмета, можно и должно сначала узнать о томъ, что такое *знаніе* и что такое «предметъ вообще»; что опытно пустая или не воспитанная душа можетъ извлечь изъ себя что то необходимое для знанія и науки. И вотъ, она долгіе годы разсматривала свои основныя логическія категоріи, принимая ихъ за «орудія» и «инструменты» своей лабораторіи: то сомнѣвалась въ ихъ пригодности, то чистила ихъ, то располагала ихъ въ извѣстномъ порядкѣ и любовалась ими; то она принималась доказывать себѣ, что ими можно сдѣлать кое что, хотя и не главное; и — ничего ими не дѣлала; и вслѣдъ затѣмъ она пыталась высказать нѣчто о предметѣ, но не *изъ* предмета, а изъ анализа своихъ «орудій» apriori и т. д. И все это происходило, повидимому, отъ того, что философія, оторвавшись отъ предметнаго опыта, сама потеряла живую увѣренность въ бытіи и въ объективности своихъ предметовъ; и уже казалось, что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ и насыщеннаго ими опыта, а есть только условно допущенныя сознаніемъ, имманентныя сознанію, предмето-образныя содержанія...

Эта *гносеологическая рефлексія, не вскормленная живымъ общеніемъ съ предметомъ была обречена на несущественность, отвлеченность и безплодность*. Живой опытъ философическаго знанія не культивировался; плыть, не вступая въ воды предмета, не удавалось и абстрактныя разсужденія

о неосуществляемомъ плаванiи, были безпредметны и мертвы. Люди, говорившiе отъ имени философiи, теряли самое главное — *предметную интенцiю*, и заботились болѣе всего о *непротиворѣчивости* и *систематичности* своихъ произвольныхъ построенiй, такъ, какъ если бы непротиворѣчивость и систематичность самого предмета были имъ уже извѣстны съ самаго начала. Эти разсудочныя комбинацiи обходились безъ духовнаго опыта и соотвѣтственно съ этимъ духовная жизнь не получала отъ нихъ ни углубленiя, ни чистоты, ни содержательнаго наученiя. Понятно, что такая философiя только разочаровывала живыя души въ духовныхъ путяхъ и предметахъ, и этимъ только содѣйствовала углубленiю современнаго духовнаго кризиса.

Итакъ, чтобы помочь человѣчеству выйти изъ духовной пошлости, философiя должна сначала сама выйти изъ мертвенной пустоты и отвлеченности. Она должна мужественно и спокойно вступить въ свою древнюю лабораторiю и предаться со всею сосредоточенностью, энергiею и чувствомъ отвѣтственности — *изслѣдованiю своихъ основныхъ духовныхъ предметовъ*. Праздное конструированiе возможныхъ и субъективно привлекательныхъ комбинацiй должно замѣниться выдержаннымъ и героическимъ изслѣдованiемъ *по существу*.

Это значитъ, что философiи предстоитъ опять положить въ основанiе своей работы *духовный опытъ* и для этого *философы должны взростить его въ себѣ во всей его подлинности и требовательности*.

Вѣдь настоящая философiя ничего не придумываетъ, не устанавливаетъ произвольно и не строитъ воздушныхъ замковъ по личному вкусу и усмотрѣнiю. Она исходитъ отъ особливаго и утонченнаго, но *подлиннаго и предметнаго*

опыта, добывая его, взращивая его, очищая и познавательно эксплуатируя его, такъ, какъ это подобаетъ настоящей наукѣ. Съ этимъ опытомъ она связана какъ съ единственнымъ источникомъ матеріала, какъ со своею плодоносящею почвою. Черезъ него она получаетъ и беретъ свой предметъ. Безъ него она пуста, мертва и, даже, зловредна.

Этотъ опытъ, какъ и во всѣхъ наукахъ и во всей человѣческой жизни, переживается *личною* душевною и душевно-тѣлесною тканью; и постольку онъ неизбѣжно и неизбывно *субъективенъ*. Но эта субъективность характеризуетъ только общій способъ взятія и осуществленія, и, самъ по себѣ, отнюдь не предустанавливаетъ искаженность или ложность взятаго содержанія. Такъ, напримѣръ, испытать логическое понятіе значитъ испытать его лично, пережить его субъективно; но это совсѣмъ не значитъ пережить его искаженно или испытать его ложно. Испытывающій добро и зло еще не обреченъ тѣмъ самымъ на ошибку; и ликующій отъ прикосновенія къ художественной красотѣ, можетъ быть, пережилъ ее предметно. Субъективность означаетъ *возможность* заблужденія; но *не* означаетъ *необходимости* искаженія. Субъективизмъ опыта, безспорно, *опасенъ* для предметности; но совсѣмъ *не враждебенъ* ей при всѣхъ условіяхъ и, тѣмъ болѣе, не несовмѣстимъ съ нею.

Однако *личный* характеръ философическаго опыта не слѣдуетъ разсматривать только какъ грустную неизбѣжность, это есть въ то же время первая гарантія его подлинности. То, что философъ изслѣдуетъ, онъ долженъ испытать *самъ*, не полагаясь ни на кого другого и ни на чьи показанія. Въ общеніи съ предметомъ никто никому никого не замѣняетъ и замѣнить не можетъ; таковъ общій законъ духа, ду-

ховной культуры, всей науки и—въ частности—философiи. Самое правдоподобное извѣстiе изъ самыхъ добросовѣстныхъ устъ не можетъ освободить изслѣдователя отъ прiобрѣтенiя собственнаго, *самостоятельнаго* и *непосредственнаго* предметнаго опыта. А въ философiи, гдѣ всю работу предстоитъ начать съ самаго начала, это требованiе получаетъ особенное значенiе. Кто бы напримѣръ ни увѣрялъ меня, что совѣсть даетъ разнымъ людямъ разнорѣчивыя показанiя, — я долженъ самъ покрыть это лично-подлиннымъ опытомъ, не замѣняя его ни домысломъ, ни воображенiемъ. Да и кто же, будучи серьезнымъ философомъ, повѣритъ другому на слово, что два противорѣчивыхъ тезиса могутъ быть вмѣстѣ истинными, или что здоровое правосознанiе допускаетъ предательство, или что религiозность по природѣ своей лицемѣрна, — повѣритъ и не поспѣшитъ провѣрить и покрыть это лично-предметнымъ опытомъ? Рѣшенiе придетъ, конечно, не отъ личнаго испытанiя, *какъ таковогo*; хотя *безъ* него оно тоже не можетъ состояться. Рѣшенiе придетъ отъ нѣкой, имѣюшей центральное значенiе, *встрѣчи* между *подлиннымъ составомъ личнаго субъекта* и *подлиннымъ содержанiемъ духовнаго предмета*, встрѣчи, имѣющей произойти въ функцiи и въ терминахъ лично-душевныхъ силъ.

Эта встрѣча и порождаетъ необходимый для философiи подлинный и предметный духовный опытъ.

4.

Именно *подлинность* философическаго опыта открываетъ его первоначальную, исходную *онтологическую природу*.

Все, что состаивается и живетъ въ субъективной душѣ смертнаго человѣка — все имѣетъ психическое *существованіе*, но не все имѣетъ духовное *бытіе*. Ибо духовное бытіе отличается отъ существованія по природѣ своихъ *содержаній* и соотвѣтствующихъ имъ способностей, по *способу* своего *обстоянія*, по своей *подлинности* и *силѣ*. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, необходимо, конечно, пріобрѣсти самый *опытъ бытія*; исходить же изъ одного опыта существованія, какъ такового, совершенно недостаточно.

Качественное отличіе бытія отъ существованія въ человѣческой душѣ опредѣляется прежде всего объективною *разнозначительностью* ея содержаній и способностей.

Такъ душа человѣка можетъ жить (и слишкомъ часто живетъ) — *ничтожнымъ* и *по ничтожному*. Она не различаетъ того, что *на самомъ дѣлѣ* есть *главное* и *самоцѣнное* въ жизни отъ того, что на самомъ дѣлѣ въ жизни не существенно, не самоцѣнно, второстепенно или совсѣмъ незначительно; и, не различая, она обращается къ субъективно-важному, нравящемуся и пріятному какъ если бы оно заслуживало настоящей преданности. Тогда жизнь ея слагается такъ, какъ если бы міръ имѣлъ одно только измѣреніе, опредѣляющееся ея личными удовольствіями и страстями, или, соотвѣтственно, удовольствіями и страстями другихъ людей. И весь остальной составъ жизни и міра, измѣряющійся высшими, объективно-значительными мѣрилами — достоинствомъ, величіемъ, благомъ, красотою, свободою, отвѣтственностью, правомъ, умудряющимъ страданіемъ и смертью, — для нея, субъективно, какъ бы не существуетъ; она его не видитъ, имъ не живетъ, отвертывается отъ него. Она живетъ ничтожнымъ: поверхностными

содержаніями и незначительными цѣлями, превращая для себя пустякъ въ главное и воспринимая главное, какъ пустяки. Въ лучшемъ случаѣ она прилѣпляется къ ничтожному тою страстною преданностью, которая соотвѣтствуетъ и подобаетъ объективно-значительному: она творитъ кумира. Въ худшемъ случаѣ самое предпочтеніе ея остается столь же ничтожнымъ, сколь ничтоженъ ея предметъ: она *поверхностно* относится къ *незначительному*, не входя въ глубокія и цѣльныя отношенія къ существенному и главному. Всѣ ея жизненныя содержанія оказываются духовно праздны и ненужны; это шелуха безъ зерна, видимость безъ сущности, *существованіе безъ бытія*: они въ высшемъ смыслѣ *безпредметны*. И жизнь ея протекаетъ въ столь же праздномъ и ненужномъ перебираніи этихъ безпредметностей, въ состояніяхъ эфемерныхъ, духовно безслѣдныхъ, религіозно мертвенныхъ, слагающихъ омутъ скуки и ничтожества; такая душа *существуетъ*, но, повидимому, *не имѣетъ бытія*.

Для того, чтобы *быть* и имѣть *опытъ бытія* необходимо жить существеннымъ и по существенному, *главнымъ* и *по главному*; для этого необходимы содержанія *другой* природы и соотвѣтствующія имъ *другія* состоянія. Для того, чтобы пріобрѣсти опытъ *бытія*, человѣкъ долженъ найти въ себѣ тѣ силы и способности, которыми воспріемлется, переживается и творится *объективно-значительный составъ міра и жизни*; и, далѣе, онъ долженъ сосредоточенно, — цѣльно и интенсивно, — зажить этимъ новымъ предметомъ, превращая его въ центръ или фокусъ своей жизни. Тотъ существенно-главный составъ міра и жизни, черезъ присутствіе котораго и жизнь и міръ являются ризой Божіей, предметною тайною, насыщеннымъ гіероглифомъ, — этотъ составъ да-

ется *каждому* человѣку, но усматривается, ищется и берется сравнительно *немногими*. Онъ можетъ быть взятъ только тѣмъ, кто повернется къ нему *главнымъ* центромъ своей личности, послѣдними истоками и корнями своей любви и воли; *главное въ предметѣ* отзывается только на *главное въ личной душѣ* и, отозвавшись, оно вовлекаетъ этотъ центръ личнаго духа въ такія состоянія, закономѣрности и связи, которыя въ свою очередь оказываются *главными* для всей остальной жизни и судьбы человѣка. У каждаго человѣка есть нѣкоторыя *духовно-главныя* силы и способности, которыми онъ, напрягая ихъ *по главному* и центрально отдавая себя, можетъ воспріять *существенно-главный* составъ міра и жизни. Для того, чтобы совершить это — необходимо: обрѣсти въ себѣ исходную, первоначально-данную сферу духовнаго бытія; перенести въ нее центръ своего жизненнаго вниманія и дѣланія; подчинить этому духовному центру въ себѣ всѣ остальныя цѣли и задачи и обратиться всею энергіею своего существа къ тѣмъ особымъ содержаніямъ, которыя откроются этимъ духовно-главнымъ силамъ и способностямъ души. Обратившись къ нимъ такъ, человѣкъ будетъ не только «наблюдать» и «замѣчать» въ интересахъ описанія и познанія. Нѣтъ; онъ начнетъ *по новому быть*. И эта сфера *новаго духовнаго бытія*, погашающая пустоту былого существованія, дастъ ему *философическій опытъ* и откроетъ ему доступъ въ философическую лабораторію.

Для того, чтобы познать духовный предметъ, необходимо самому духовно быть и организовывать въ себѣ подлинный духовный опытъ.

Ибо содержанія, изслѣдуемыя философіею, имѣютъ

особую природу, особое качество, особыя измѣренія. Нельзя испытывать, описывать и познавать ихъ, не имѣя для этого необходимыхъ и соотвѣтствующихъ духовныхъ органовъ. Эти духовные органы, — очевидность, совѣсть, правосознаніе, художественное видѣніе, любовь, — въ зачаткѣ и въ возможности большаго, даны каждому; но они должны быть укрѣплены, приспособлены, изощрены и поставлены въ центръ жизни тѣмъ, кто желаетъ посвятить себя философскому знанію. И тотъ, кто перемѣститъ свой жизненный центръ въ эти способности и въ ихъ осуществленіе, не только обновитъ *качество* своихъ жизненныхъ содержаній, но пріобщится новому *способу* быть, съ его особою *подлинностью*, своеобразными *законами* и исключительною *силою*.

5.

Въ зачаткахъ очевидности, совѣсти, правосознанія, художественнаго видѣнія и любви каждый человѣкъ *уже* имѣетъ въ себѣ особый *способъ бытія* — modus essendi spiritualis. Отъ него зависитъ усмотрѣть этотъ способъ, принять его и имъ построить свою личность; или оставить его безъ вниманія и пребыть въ ничтожествѣ существованія; или же, наконецъ, усмотрѣвъ эти способности отвернуться отъ нихъ, возненавидѣть ихъ и утвердить свои личныя силы на ихъ гоненіи и попраніи. Первый исходъ осуществитъ бытіе духа во благѣ; третій—бытіе духа во злѣ. Второй исходъ явитъ самоопредѣленіе духа къ существованію внѣ бытія.

Духовная способность уже и въ первоначальномъ, глухомъ, неосознанномъ, неукрѣпленномъ своемъ состояніи, отнюдь *не пуста* и *не бездѣятельна*. Но *содержаніе* ея

остается неуловимымъ для личнаго сознанія и потому проблематичнымъ для него, неопредѣляемымъ, часто томящимся и томящимъ душу; а *дѣятельность* ея остается непризнанной, часто подавленной и потому слабой, неувѣренной, отчетливо выступающей только въ отрицаніи — напримѣръ укоръ совѣсти, эстетическое отвращеніе, критика чужой познавательной ошибки. Однако и въ такомъ видѣ духовная способность есть *живая сила личнаго бытія*, чреватая, какъ сила, всѣмъ дальнѣйшимъ ростомъ и формированіемъ. Это есть нѣкая глубокая безсознательно-духовная сфера реальности въ человѣкѣ, къ которой ея носитель не умѣетъ или не хочетъ обратиться; но именно къ ней съ изумительной увѣренностью обращались и всегда будутъ обращаться духовные вожди человѣчества безошибочно вѣдая чужое сердце и призывая чужую волю къ духовному перерожденію. Человѣкъ *искони* имѣетъ въ себѣ духовное бытіе; ему предоставлено опредѣлить себя къ нему и утвердиться въ немъ, или предпочесть иное. Но въ этомъ духовно-эмбріональномъ состояніи онъ *уже* причастенъ и бытію, и предмету, подобный морю, таящему на днѣ своемъ кораллы и жемчуга, которые суть *въ* морѣ, и *черезъ* море и *изъ* моря, — но сами не суть море.

Понятно, что духовное бытіе крѣпнетъ и расцвѣтаетъ въ душѣ и начинаетъ перерождать всего человѣка, какъ только онъ обращается къ духовнымъ предметамъ, пріемля ихъ и предаваясь имъ. Этотъ процессъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ, отправляясь отъ первоначальнаго зерна своей духовной реальности, осуществляетъ систематическое *единеніе* съ духовнымъ предметомъ, доводя это единеніе до *сущаго единства*, до *живого тождества*.

Для этого необходимо взять предметъ живымъ опытомъ, пережить его не въ предположенiи или въ гаданiи, а стать лицомъ къ его лицу и утвердить его въ себѣ *онтологически*. Тогда человѣкъ вводитъ духовный предметъ въ ткань своего собственнаго существа, но такъ, что предметъ поглощаетъ душевныя силы субъекта, занимая собою всю его воспрiимчивость, заполняя весь его внутреннiй горизонтъ, превращая всякое само-чувствiе въ *предмето-чувствiе*. Все, чему субъектъ можетъ внять, т. е. все, что онъ можетъ «принять внутрь», — сводится къ предмету, на который и переходитъ не только опытно-познавательный, но и онтологическiй центръ тяжести. Субъектъ чувствуетъ себя такъ, что для него самого въ немъ самомъ не осталось мѣста изъ за предмета; предметъ какъ бы «сталъ», а субъектъ какъ бы «прекратился»; на самомъ же дѣлѣ въ субъективной, душевно-духовной или, даже болѣе, тѣлесно-душевно-духовной ткани развернулось *содержанiе* предмета съ его особыми законами и съ его живымъ ритмомъ. Субъектъ насыщается духовнымъ предметомъ такъ, что *заживаетъ имъ, какъ самимъ собою*; онъ не отрываетъ себя отъ него, не противопоставляетъ его себѣ; и, когда отличаетъ его вообще отъ себя, то это состоянiе рефлектирующаго раздѣленiя, опредѣляетъ самъ, какъ состоянiе отпаденiя, неполноты, недостаточной духовности; ибо полнота духовнаго опыта опредѣляется, какъ *живое тождество духовнаго предмета и субъективнаго духа*.

Человѣку и въ обыденной жизни свойственно, какъ это не разъ отмѣчалось въ психологiи, непроизвольно вживаться, сосредоточенно вчувствоваться въ содержанiя опыта, уходя въ нихъ до самозабвенiя или даже художест-

венно отождествляясь съ ними. Эта душевная способность вообще говоря можетъ ускользнуть отъ духовнаго контроля, стать нецѣлесообразнымъ, капризнымъ психическимъ механизмомъ и привести человѣка къ непріятнымъ истерическимъ явленіямъ или даже психонейрозамъ. Но, руководимая и организуемая духовно, эта способность является драгоцѣннѣйшимъ духовнымъ даромъ къ саморасширенію, самообогащенію и духовной объективаціи. Всѣ великія свершенія въ духовной исторіи человѣчества были осуществлены именно ею; и въ частности настоящій философическій опытъ состоитъ именно въ *осубъективленіи духовнаго предмета* и соотвѣтственно въ *опредмеченіи философствующаго субъекта*; въ результатѣ этого единенія *предмѐтъ онтологически овладѣваетъ субъектомъ*, и благодаря этому *субъектъ познавательно овладѣваетъ предметомъ.*

Тайна подлиннаго, великаго философическаго опыта состоитъ въ томъ, что *человѣкъ лишь постольку познаетъ философскій предметъ, поскольку пріобщаетъ ему самые корни или истоки своего духовнаго бытія.* Чтобы познать духовный предметъ надо быть или стать *сродни ему*; надо уподобиться ему, пріобрѣсти его существенныя свойства, стать его живымъ ȍрганомъ, его вѣрнымъ эхо, его адэкватнымъ медіумомъ, его творческимъ носителемъ. Искренно, интенсивно и цѣльно переживая какой-нибудь духовный предметъ, человѣкъ оказывается *одержимымъ* этимъ предметомъ; и, если онъ изволеніемъ своего духа пріемлетъ эту одержимость, то онъ самъ становится *видоизмѣненіемъ предмета.* Онъ и предметъ его — суть одно; онъ пребываетъ въ своемъ предметѣ; и предметъ его пребываетъ въ немъ; но предметъ свой онъ испытываетъ какъ нѣчто бȏльшее,

чѣмъ онъ, подобно тому какъ Отецъ больше Сына, очагъ больше искры, субстанція больше модуса, всеобщее больше единичнаго, родъ больше вида, родина больше патріота. Философскій опытъ дается только черезъ *самоотождествленіе духа съ предметомъ*, и при томъ не черезъ условное, или воображенное, или обставленное обезсиливающими резерваціями отождествленіе, но черезъ безусловное, реальное, опредѣляющее жизнь и судьбу личности. Философическій опытъ, какъ и всякій опытъ, долженъ быть *познавательно предметенъ*; но онъ можетъ быть познавательно предметенъ только тогда, если самъ носитель его станетъ *предметнымъ по бытію*. Въ этомъ смыслѣ *философская гносеологія* есть подлинная *онтологія*: ибо философу необходимо предметно испытывать, чтобы вѣрно знать; и предметно *быть*, чтобы вѣрно испытывать.

6.

Подобное доступно подобному и открывается только ему. Если бы въ составѣ человѣческаго существа не было матеріи, то ему нечѣмъ было бы испытать, увидѣть и познать матеріальную природу внѣшнихъ вещей: человѣкъ до извѣстной степени самъ есть вещь и только благодаря этому онъ можетъ стать естествовѣдомъ. Только существо, имѣющее *душевное* бытіе, способно испытывать и постигать психическое, какъ предметъ: способъ бытія объекта и способъ бытія субъекта должны быть однородны для того, чтобы состоялся предметный опытъ. Такъ обстоитъ и въ духовной лабораторіи: если бы въ составѣ человѣческаго существа не было духовнаго способа бытія, то ему *нечѣмъ*

было бы испытать, увидѣть и познать духовную природу «внутреннихъ» предметовъ; человѣкъ, *не* живущій своимъ духовнымъ составомъ и потому лишенный духовнаго опыта, будетъ обреченъ на безпредметность, и «достиженія» его будутъ пустою и вредною мнимостью. Именно поэтому *художникъ*, мертвый духомъ, будетъ всегда поэтомъ пошлости и никакая «талантливость» не спасетъ его отъ этого, не заполнитъ его пустоты и не выведетъ его на стезю величія; и, подобно этому, *правитель*, не живущій духомъ всегда будетъ недооцѣнивать духовную автономію, какъ основной законъ индивидуальнаго и общественнаго бытія, и всегда будетъ склоненъ пренебречь политикой воспитанія и обратиться къ деспотическому подавленію свободы; и, подобно этому, духовно слѣпая *наука* всегда будетъ превращаться въ ворохъ ничтожныхъ мелочей, въ безпринципную лабораторію, обслуживающую личную жадность и общественный порокъ.

Но именно поэтому и философъ, духовно пустой, слѣпой и мертвый,—есть *не* философъ, а софистъ и лицемѣръ, порочный фантомъ. Ибо есть званія и призванія, *обязывающія* къ интенсивному и цѣльному духовному бытію: таковы званія священника, пророка, художника, ученаго и правителя. Только духовный опытъ открываетъ человѣку природу Божества, даетъ ему доступъ къ эстетическому предмету, вводитъ его въ предметный ритмъ міра, указуетъ ему высшія цѣли жизни и раскрываетъ передъ нимъ самое естество человѣческаго духа въ его основныхъ свойствахъ и законахъ. Но именно таково и дѣло философа, сосредоточивающаго въ себѣ и религіозный, и художественный, и научный, и нравственный, и политическій, и педагогическій опытъ, —

весь духовный опытъ, во всемъ его объемѣ, для его *научнаго раскрытія*. И, подобно тому, какъ священникъ, художникъ, ученый и правитель, пребывая на высотѣ своего званія, являются *живыми очагами духовнаго бытія*, излучающими огненную энергію, такъ и всѣ настоящіе философы, отъ Конфуція и Гераклита и до нашихъ дней, всегда были и всегда будутъ излучителями духовной энергіи, очагами подлиннаго бытія: ибо они являются живыми средоточіями духовнаго опыта.

Подлинный духовный опытъ уже предполагаетъ въ душѣ человѣка извѣстный минимумъ духовнаго бытія и въ свою очередь сообщаетъ ей онтологическую *полноту и силу*. Пріемля божественный предметъ «всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ помышленіемъ», человѣкъ устанавливаетъ въ себѣ нѣкое *нерасторжимое живое единство съ предметомъ*, которое обновляетъ его и *дѣлаетъ его чѣмъ то несравненно бо́льшимъ, чѣмъ онъ былъ самъ по себѣ*. Цѣлостное наполненіе чувства — дѣлаетъ его чувство *предметнымъ*; цѣлостное пріятіе волею — дѣлаетъ его волю *предметоодержимою*; поглощенное воображеніе — видитъ невиданное; насыщенная мысль — мыслитъ изъ неизрѣченной глубины; органы внѣшнихъ ощущеній различаютъ за преходящими видимостями вещей сокровенную предметную сущность. Вся душа заживаетъ природою Предмета, какъ своею собственною, утверждая *его* содержаніе, какъ *свое* и обновляя тѣмъ свои побужденія, свои мотивы, свои мѣрила, отношенія, рѣшенія и дѣла. Предметъ своимъ лучемъ какъ бы пронизываетъ и прожигаетъ душу до дна, сожигая въ ней противопредметное, разоблачая без-предметное и насыщая своимъ свѣтомъ, своею интенсивностью и чистотою все остальное.

Прожженная этимъ лучомъ, душа пріобрѣтаетъ тотъ «сухой блескъ» о которомъ свидѣтельствовалъ Гераклитъ и сама становится какъ огненный угль. Эта огненность уже неесть просто ея личная страсть, но *интенсивность Предмета, сущаго въ ея видѣ*: она и разгорается и угасаетъ не своею склонностью и несчастностью, но мѣрою самого предмета. Жизненный ритмъ одухотворенной души есть *предметный* ритмъ, подобно тому, какъ предметенъ ритмъ движеній въ художественномъ танцѣ. Подобно адаманту, чуть видному въ темнотѣ, но ослѣпительному въ солнечномъ лучѣ, человѣческій духъ пріобрѣтаетъ неописуемую самобытность и являетъ сверкающую силу именно тогда, когда онъ *цѣлостно одержимъ очевидностью духовнаго Предмета*. Тогда его умъ пріобрѣтаетъ, по слову Антонія Великаго, свою «умную силу» и становится тѣмъ «боголюбивымъ умомъ», любомудріе котораго дѣйствительно заслуживаетъ великаго имени *философіи*.

Настоящій философическій опытъ всегда состоялъ въ *одержимости души духовнымъ Предметомъ*; настоящее философское видѣніе всегда доводилось до *очевидности духовнаго Предмета*. И въ основѣ этой одержимости всегда лежала страстная преданность Предмету, именуемая *любовью*, которая и порождала необходимыя напряженія *воли* въ испытаніи, созерцаніи и познаніи; и естественно, что воля, доведя Предметъ до очевидностнаго переживанія, оставалась вѣрною ему и далѣе: и въ словѣ, и въ поступкѣ, и въ смерти.

Именно этимъ объясняется то исконное единеніе между философіей и религіей, которое превращалось въ ихъ живое и жизненное единство у всѣхъ великихъ учителей и религіи,

и философіи. Это единство опредѣляется формулой: *цѣлостная духовная предметность души*.

7.

Естественно, что зрѣлый философическій опытъ, доведенный до надлежащей интенсивности, цѣльности и предметности, сообщаетъ человѣческому духу цѣлый рядъ свойствъ, чертъ и способностей, проявляющихъ подлинность его бытія.

Въ духовно предметномъ опытѣ человѣкъ находитъ основу для *вѣрнаго само-утвержденія*: въ нерушимое основаніе своего существа онъ полагаетъ нѣкое объективно-опредѣленное содержаніе, которое само по себѣ *заслуживаетъ* цѣльной преданности и вотъ, дѣйствительно, эту заслуживаемую преданность отъ него *получаетъ*. Вживаясь въ это предметное начало и вживая его въ себя, человѣкъ пріобрѣтаетъ увѣренное чувство своей *объективной правоты* въ главномъ: онъ утверждаетъ свое сродство съ объективнымъ благомъ, свою однородность и, въ концѣ концовъ, свое живое единство съ нимъ. Этимъ онъ упрочиваетъ въ себѣ *чувство собственнаго духовнаго достоинства* и пріобщается тому уравновѣшенному уваженію къ своему личному началу, незримое присутствіе котораго предохраняетъ его отъ паденій и заставляетъ другихъ людей питать къ нему невольное почтеніе.

Отъ постояннаго и напряженнаго общенія съ предметомъ въ его душѣ возникаетъ *живой центръ духовныхъ содержаній* какъ бы алтарь или храмъ личнаго духа, отъ котораго и къ которому движется вся его жизнь. Духовный предметъ

центрируетъ личную душу, сообщая ей такую центральную цѣнность, которая образуетъ въ ней лоно подлиннаго личнаго бытія. Въ немъ личная душа имѣетъ критерій истинной реальности; сюда она спасается отъ пугающихъ призраковъ земного существованія, чтобы удостовѣриться въ ихъ небытіи; здѣсь она почерпаетъ силу въ минуту слабости и страха; отсюда она рѣшается и идетъ на смерть. Этотъ центръ управляетъ личною жизнью; или, вѣрнѣе, *личный духъ самъ управляется изъ этого центра*. Руководимый изъ него «даймоническими» указаніями, философическій духъ является *автономною* и, въ то же время, *предметно самоопредѣляющеюся силою*. Предметный центръ его личности господствуетъ въ немъ и онъ не противопоставляетъ себя ему; поэтому этотъ предметный центръ есть его *власть*, и, въ то же время, это *онъ самъ*; сила этой власти есть его собственная сила, но эта сила несравненно больше той силы, которою онъ располагаетъ внѣ этого центра и помимо этой власти. Предметный центръ сообщаетъ человѣку нѣкую сверхобычную духовную мощь, простирающуюся и на него самого, и на другихъ людей. И, пока человѣкъ пребываетъ *въ* своемъ предметномъ центрѣ и живетъ *изъ* него, онъ не испытываетъ его, какъ инобытіе; — онъ воспринимаетъ его *сверхличную* природу лишь съ того момента, какъ онъ внутренно изъ него выходитъ. Именно поэтому даймоній Сократа давалъ ему одни только отрицательныя указанія.

Зрѣлый духовно-предметный опытъ, властно центрируя человѣка, превращаетъ его жизнь въ *самостроительство*, а его творчество — въ *предмето-осуществленіе*; въ дѣйствительности же то и другое совпадаетъ: онъ чувствуетъ себя подлинно-живущимъ только въ предметномъ творчествѣ

и, обратно, предметы реализуются именно черезъ то, что онъ сожигаетъ въ ихъ становленіи свою жизнь. Его жизнь есть въ сущности — жизнь Предмета въ немъ; такъ, что, исходя отъ субъекта, можно сказать: личный духъ созидаетъ себя при помощи Предмета; а исходя отъ объекта, можно сказать: Предметъ созидаетъ себя при помощи личнаго духа. При этомъ единственность предметнаго центра и главенство его надъ личною периферіею ведетъ къ тому, что искра предметнаго огня пронизываетъ всѣ слои личности и властно сверкая въ ея проявленіяхъ придаетъ ей черту высшей *искренности*, прозрачности, правдивости и прямоты. Личный духъ, живя изъ Предмета, не двоится, не колеблется, не дѣлится на обманные фантомы и не распыляется на множество ничтожныхъ случайностей: онъ обнаруживаетъ подлинную недѣлимость и выступаетъ въ качествѣ *организованной индивидуальности*.

Такимъ образомъ, духовный опытъ сообщаетъ философу черту преимущественной и высшей силы. Духъ, утвержденный на Предметѣ, является не рыхлою средою, не «жидкимъ» началомъ и не «сыпучимъ» тѣломъ; жизнь его не течетъ, не обсыпается и не растворяется, она развертывается въ рядъ предметныхъ поступковъ, въ неуклонное духовное восхожденіе. Не его вовлекаетъ, заражаетъ, влечетъ и гонитъ потокъ обстоятельствъ; но онъ останавливаетъ собою всѣ воздѣйствія, идущія отъ инобытія, преломляетъ ихъ, отбираетъ, пріемлетъ или отвергаетъ и, формируя, направляетъ по новому. Не поводы его подчиняютъ, а онъ создаетъ новыя причины; ибо онъ есть больше, чѣмъ естественный итогъ скрестившихся причинныхъ рядовъ: въ немъ живетъ творческое начало, отъ котораго завязываются и уходятъ въ

будущее ряды причинъ и воздѣйствій. Воля его, конечно, не имѣетъ абсолютной свободы; но она всегда сохраняетъ *свободу неограниченно-превозмогающей силы*: она способна двигаться по линіи *наибольшаго сопротивленія* и, осуществляя это движеніе, она обнаруживаетъ этимъ свою независимость, — свое единство съ *предметною необходимостью* и, тѣмъ самымъ, свою *предметную свободу* по отношенію къ чужеродному инобытію.

Это можно называть, если угодно, «силою воли»; однако это есть нѣчто больше, ибо *сила* ея утверждена здѣсь во *благѣ*. Это можно называть и «характеромъ», но *предметнымъ* или *духовнымъ* характеромъ. Ибо духовный опытъ воспитываетъ не просто «сильную» личность, но личность, сильную въ предметномъ служеніи, которая потому сильна въ служеніи, что служеніе принято ею добровольно, стало ея собственною сущностію и превратилось въ свободное горѣніе. Именно черезъ это она сдѣлалась больше, чѣмъ она сама.

Вынашивая и выносивъ въ себѣ духовно-предметный опытъ, философическій духъ пріобрѣтаетъ особый закономѣрный жизненный ритмъ,—въ чувствованіи, въ воспріятіи, видѣніи, мышленіи, словѣ и дѣйствіи, — который нерѣдко дѣлаетъ его для другихъ страннымъ, темнымъ, недоступнымъ, — то чудеснымъ и неотразимо привлекательнымъ для однихъ, то непріятнымъ и ненавистнымъ для другихъ. Своеобразіе этого личнаго строя выражается нерѣдко въ самомъ отношеніи личнаго духа къ его собственному тѣлу,—въ этой преимущественной властности, независимости, въ способности къ забвенію, отвлеченію, нечувствующему уходу. Пребывая въ духовномъ опытѣ, человѣкъ способенъ не

страдать отъ того, что неизбѣжно вызываетъ страданія въ другихъ, радоваться безъ явныхъ причинъ и испытывать глубокій покой тамъ, гдѣ другіе изнемогаютъ отъ мертвящаго страха. Имѣя въ себѣ и передъ собою предметную градацію цѣлей и цѣнностей, онъ слагаетъ свою жизнь не изъ субъективныхъ «возможностей», но изъ духовныхъ «необходимостей», такъ что онъ чувствуетъ себя правымъ только тогда, — но тогда уже *окончательно* правымъ, — когда выбирая и рѣшая передъ лицомъ своего центральнаго алтаря, онъ иначе не можетъ и не хочетъ, и не можетъ иначе хотѣть и не хочетъ иначе мочь. Именно это центрально-предметное судилище выводитъ его изъ царства внѣшнихъ случайностей и безначально-хаотическихъ внутреннихъ возможностей и уводитъ его къ духовной *необходимости* жизненнаго ритма и жизненныхъ свершеній. Именно это судилище дѣлаетъ его самого компетентнымъ судьею, придавая ему способность къ неличнымъ оцѣнкамъ, противоличнымъ рѣшеніямъ и сверхличнымъ поступкамъ; именно оно ведетъ его къ занимапію окончательныхъ, недвоящихся позицій и научаетъ его пренебрегать вопросами пользы, опасности и смерти. Вступая въ эти высшія необходимости по добровольному пріятію ихъ и черезъ самоотождествленіе съ ихъ источникомъ, онъ сливаетъ свою личную судьбу съ земною судьбою своего Предмета; онъ утверждаетъ себя въ качествѣ его живого органа и его *побѣду* полагаетъ въ *своей* вѣрности ему. Ибо духовный опытъ учитъ что сущая побѣда можетъ имѣть обличіе внѣшняго пораженія и что духовное пораженіе можетъ принять видимость внѣшней удачи. На самомъ же дѣлѣ духовная, т. е. сущая побѣда всегда остается за тѣмъ, кто былъ предметно правъ и пребылъ

до конца въ вѣрности предмету. Вотъ откуда у великихъ философовъ возникаетъ этотъ непоколебимый оптимизмъ; эта увѣренность въ томъ, что съ ними не можетъ случиться никакого зла; это спокойное настаиваніе на томъ, что побѣда обезпечена и что пораженіе невозможно. Этотъ оптимизмъ порожденъ не земною близорукостью или невѣрнымъ внѣшнимъ наблюденіемъ; но духовною дальнозоркостью и вѣрнымъ созерцаніемъ Предмета. И древній грекъ, начертывая на могилѣ Леонида безсмертное двустишіе, провозглашавшее безсмертіе умершихъ, былъ движимъ именно этимъ созерцаніемъ высшей духовной реальности. Именно въ предметной правотѣ человѣку дано обѣтованіе и осязаніе подлиннаго безсмертія, превращающаго самую смерть въ потенцированное духовное бытіе. —

Такъ, недвоящійся духовный умъ есть подлинная основа сильнаго характера, а благородный характеръ есть подлинная основа философическаго опыта. Настоящій философъ выговариваетъ только то, что составляетъ содержаніе его духовнаго опыта; онъ утверждаетъ, прежде всего, свое предметное бытіе; удостовѣряетъ его своимъ предметнымъ дѣланіемъ; и затѣмъ формулируетъ увидѣнное въ своемъ предметномъ философствованіи. Таковъ смыслъ этого основного философскаго правила: «primum esse, deinde agere, postremo philosophari». И только соблюдая это правило можно понять, почему Конфуцій утверждалъ, что Тао есть источникъ силы; почему Гераклитъ требовалъ огненности отъ философствующаго духа; почему Сократъ ушелъ изъ жизни побѣдителемъ, утверждая, что «для человѣка добраго—нѣтъ зла ни въ жизни, ни по смерти»; почему православная восточная аскетика настаиваетъ на томъ, что молитва есть источникъ подлиннаго

знанія и подлинной силы; въ чемъ заключается нравственный смыслъ ученія Спинозы о natura naturans; что имѣлъ въ виду Фихте, когда говорилъ о субстанціальности субъекта и о «нравственномъ міропорядкѣ»; почему Гегель настаивалъ на онтологическомъ значеніи ухода личности въ субстанціальную-всеобщность, хотя бы этотъ уходъ получалъ видимость земной смерти; въ какомъ смыслѣ Шопенгауэръ полагалъ оциночество мѣриломъ духовности, — и многое, и многое другое.

8.

Таковъ философскій опытъ въ его, столь простомъ, *и*, въ то же время, столь сложномъ, классическомъ строеніи и значеніи. Этотъ опытъ пріобрѣтается длительнымъ и цѣлостнымъ дѣланіемъ, — дѣланіемъ цѣлой жизни. Естественно, что человѣкъ, предающійся такому опыту неизбѣжно начинаетъ быть по новому: по новому воспринимать, сначала одни духовные предметы, а потомъ, черезъ нихъ, и все остальное, — по новому видѣть, по новому утверждать себя и жить. Онъ совершаетъ переходъ въ другой способъ *бытія*, *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*, а вслѣдствіе этого и въ другой способъ *дѣланія*.

Духовный опытъ, при систематическомъ и цѣльномъ культивированіи его, всегда даетъ человѣку *очевидность* и основанныя на ней *окончательныя убѣжденія*. Такія убѣжденія строютъ личность, обновляютъ ея фундаментъ, сообщаютъ ей грани, утверждаютъ ея несломимую силу и уводятъ ее къ *исповѣданію* и *поступку*. Только настоящая предметная очевидность порождаетъ настоящую философію;

но, разъ состоявшись, она пронизываетъ своимъ лучомъ *всѣ* слои души, сверкая и въ мысли, и въ словѣ, и въ дѣяніи. Призваніе философа состоитъ въ томъ, чтобы *быть одержимымъ очевидностью духовнаго Предмета*; но это и значитъ быть истинно религіознымъ человѣкомъ. Такая одержимость захватываетъ и опредѣляетъ всю жизнь человѣка: она заставляетъ его — *мыслить* именно то, что имѣется въ систематически удостовѣренномъ опытѣ; *говорить* именно то и только то, что испытуется и мыслится; и *дѣлать* именно то, что предметный опытъ посылаетъ черезъ видѣніе, мысль и слово. Философъ, какъ и всякій человѣкъ, не можетъ не поступать въ жизни; но, если духовный опытъ его подлиненъ и предметенъ, то онъ не можетъ не поступить предметно. Больше, чѣмъ къ кому нибудь, къ нему относится та истина, что человѣкъ есть живое единство своихъ поступковъ; та истина, что человѣкъ узнается по его плодамъ.

Именно въ этой связи между предметомъ философіи и жизнью философа обнаруживается *научная* природа философическаго познанія. Всякій ученый есть ученый именно постольку, поскольку онъ одержимъ *волею* къ вѣрному знанію своего предмета и *опытомъ*, посвященнымъ этому предмету и занятымъ его содержаніями; и успѣхи наука дѣлаетъ лишь постольку, поскольку эта одержимость предметнымъ опытомъ превращается въ предметную *очевидность*; и удостовѣряются эти успѣхи *экспериментальнымъ* дѣланіемъ, а закрѣпляются жизненнымъ примѣненіемъ. И вотъ, философъ, какъ и всякій другой ученый имѣетъ свой предметный опытъ, свою опытную одержимость, свою одержащую очевидность, свое удостовѣряющее жизненное примѣненіе. Но только опытъ его есть опытъ не-

чувственный, утонченный и безмѣрно болѣе отвѣтственный; а его жизненное примѣненіе состоитъ не въ экспериментахъ надъ внѣшнею вещью, а въ активномъ передѣлываніи своей собственной духовной личности и въ жизни по указаніямъ испытаннаго духовнаго Предмета. Философія вмѣщаетъ и смѣетъ вмѣщать въ себя только то, что самъ человѣкъ вмѣстилъ въ свой духовный и жизненный опытъ. Подобно всякому другому ученому философъ обязанъ и уполномоченъ мыслить и выговаривать *именно* то, *только* то и *все* то, что онъ выносилъ въ своемъ максимально опредмеченномъ опытѣ; при этомъ опытъ его есть не только опытъ аффекта, или воли, или воображенія, — но опытъ всѣхъ строеній и всѣхъ напряженій, которыхъ требуетъ Предметъ, и, притомъ, всегда—опытъ цѣльный, начинающійся изъ глубины и кончающійся на поверхности внѣшняго проявленія. Настоящій философъ смѣетъ, долженъ, и призванъ категорически утверждать только то, что онъ исполнилъ полнотою (плеромою) своего духовно-жизненнаго дѣланія. И это дѣланіе остается жизненнымъ дѣланіемъ и тогда, когда оно сводится къ безмѣрно напряженному внутреннему созерцанію при минимальной внѣшней активности, и тогда, когда оно развертывается въ рядъ внѣшнихъ поступковъ по отношенію къ природѣ или къ другимъ людямъ.

Это можно выразить такъ: *орудіемъ* философскаго познанія является *живое существо самого философа*. Это орудіе должно быть чисто, гибко, лѣпко и цѣльно для того, чтобы оно могло стать *живымъ препаратомъ самого духовнаго предмета*. Для того, чтобы познать свой предметъ, философъ долженъ какъ бы вылѣпить его изъ себя или, точнѣе, помочь своему существу и прежде всего своей душѣ — адэкватно

вылѣпиться во образъ духовнаго предмета. Но этотъ субъективный препаратъ будетъ не просто подобіемъ, или снимкомъ, или копіей, или слѣпкомъ, съ философскаго предмета, но *самимъ, вживѣ осуществившимся предметомъ*; ибо духовный предметъ способенъ быть сразу во множествѣ, не нарушая своего единства. Осуществившись въ чьей нибудь живой личной средѣ, онъ относится къ ней такъ, какъ эстетическій предметъ относится къ воплотившей его эстетической матеріи въ художественномъ произведеніи: личное естество настоящаго философа становится художественной ризой вмѣщеннаго имъ духовнаго Предмета, — его вѣрною, сущею явью. Пребывая въ духовномъ Предметѣ, держа его въ себѣ, человѣкъ самъ пребываетъ въ его силѣ, въ его ритмѣ, въ его раскаляющемъ и закаляющемъ душу теченіи. Въ этомъ состояніи онъ даймониченъ или геніаленъ, и злодѣйство по истинѣ недоступно ему. За то ему доступно видѣніе предмета и дѣятельное обнаруженіе его: онъ знаетъ его и именно потому не можетъ не осуществлять его. Именно это имѣла въ виду мудрость Сократа, когда утверждала, что знающій добро не можетъ быть порочнѣ и что добродѣтель можетъ быть изслѣдована только тѣмъ, кто воспитываетъ ее въ себѣ и творитъ ее въ жизни.

9.

На этомъ пути и только на этомъ пути можетъ быть правильно поставленъ и разрѣшенъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли духовные предметы объективную реальность, или не имѣютъ.

Во всѣхъ наукахъ безъ исключенія путь къ предмету

одинъ — это вѣрно организованный и исчерпывающе осуществленный *опытъ*; правила этого опытнаго изслѣдованія, выработанныя человѣчествомъ, примѣнимы, mutatis mutandis, и въ философскомъ изслѣдованіи.

Самый вопросъ о томъ, имѣются ли вообще такіе «духовные предметы», и не исчерпывается ли здѣсь все содержаніями субъективныхъ переживаній, не можетъ рѣшаться въ порядкѣ простой презумпціи, и при томъ, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Необходимо, прежде всего организовать въ себѣ ихъ правильное и подлинное испытаніе и затѣмъ приступить къ познавательной эксплуатаціи этого опыта. Для этого чувствилище личнаго опыта должно быть очищено, утончено, углублено и расширено; необходимо какъ бы обнажить нервы духовнаго осязанія, чтобы они могли реагировать на вѣяніе всѣхъ духовныхъ зефировъ. Надо научиться и привыкнуть внимать утонченнымъ свидѣтельствамъ этихъ органовъ, уходя въ нихъ, какъ въ главные и, въ моментъ воспріятія, исключительные, единственные источники самозаселенія. Надо понять, что философскій *опытъ* долженъ быть приспособленъ къ природѣ своихъ предметныхъ содержаній и организованъ; что созерцающее *воспріятіе* его показаній должно быть длительно, настойчиво, повторно, критически провѣрено; что *описаніе* увидѣннаго должно вестись съ осторожностью, съ чувствомъ величайшей отвѣтственности, съ напряженною остротою въ словоразличеніи, съ величайшею строгостью терминологическаго выбора и бракованія; и что только вслѣдъ затѣмъ четкая ясность мысли и цѣлостная вѣрность поступка — могутъ дать *истинную философическую формулу*.

Лишь послѣ этого позволительно и продуктивно ставить вопросъ о *бытіи* духовныхъ предметовъ и о *самомъ способѣ* ихъ бытія. Ибо *субъективная духовная анэстезія*, какъ реальное познавательное препятствіе, окажется преодолѣнною и отпадетъ. И первое, что изслѣдователь пойметъ, будетъ то, почему одни *утверждаютъ* ихъ бытіе, а другіе — *отрицаютъ*, тогда какъ, по существу и принципіально, испытать ихъ можетъ всякій... Только осуществляющій опытное общеніе съ ними можетъ измѣрить всю необходимость, незамѣнимость такого опыта, всю его доказательно-показательную силу.

Естественно, что изслѣдователю, сомнѣвающемуся въ бытіи этихъ предметовъ, придется сначала пройти черезъ періодъ неувѣренности и колебанія. Ибо на первый взглядъ все то, съ чѣмъ ему придется и удастся имѣть дѣло, будетъ «только содержаніемъ его собственнаго, субъективнаго переживанія». Такъ, *мысль* его будетъ переживать безо̂бразный логическій смыслъ; но вѣдь это и будетъ какъ разъ смыслъ, переживаемый его собственнымъ, субъективнымъ мышленіемъ: смыслъ, помысленный его мыслью, въ ней содержащійся и заключенный; «не болѣе». Подобно этому, *воображеніе* его будетъ переживать художественный образъ; но вѣдь это и будетъ какъ разъ воображенный имъ образъ, имманентный его воображенію: вещественный субстратъ пейзажа, его *эстетическая матерія*—окажется внѣ субъекта, картиною въ пространствѣ; воображенное *содержаніе* пребудетъ въ его субъективномъ актѣ; гдѣ же еще духовный *предметъ*? Если *я переживаю* вѣяніе божественнаго присутствія, естественное право, доброту, то развѣ это не даетъ возможность и основаніе говорить только о моихъ субъективныхъ состо-

яніяхъ и о пережитыхъ въ нихъ, мною осубъективленныхъ содержаніяхъ?... Гдѣ же здѣсь объективные предметы? Да и возможно ли вообще добраться къ нимъ черезъ сплошную чащу субъективныхъ переживаній и осубъективленныхъ содержаній? А, если невозможно, то зачѣмъ о нихъ говорить и думать?

Трудность проблемы ясна. Для разрѣшенія ея необходимо *отличить въ самомъ содержаніи*, распознать *черезъ содержаніе*, осязать *изъ за содержанія — присутствіе самого предмета, его живой ритмъ, его* содержательныя *качества* и *его способъ бытія*. Необходимо удостовѣриться съ очевидностью, что *духовные предметы*, каждый по своему, *не сводятся къ субъективнымъ* (моимъ или чьимъ нибудь чужимъ) *пережитымъ содержаніямъ*, не совпадаютъ съ ними ни *по количеству*, *ни по качеству*, *ни по модальности*, *ни по законамъ своего ритма и своей судьбы*. Такъ, надо опытно и окончательно убѣдиться, что субъективно переживаемыхъ содержаній можетъ и не быть, но что предметы отъ этого не гибнутъ; что эти содержанія множественны, безчисленны, а каждый духовный предметъ, какъ таковой, единъ; что эти содержанія различны, повторны, часто измѣнчивы и періодичны, тогда какъ духовный предметъ единообразенъ и непреходящъ; что, наконецъ, эти содержанія могутъ быть *невѣрны*, причемъ самая идея невѣрности уже таитъ въ себѣ предположеніе объективнаго предмета, — тогда какъ приложеніе къ духовному предмету идеи невѣрности или ошибочности—несостоятельно и даетъ безсмыслицу. Кто испытаетъ и увидитъ это различіе, тотъ eo ipso осязаетъ *за* субъективными духовными содержаніями *второй*, по иному сущій и обстоящій планъ бытія, не сводимый къ субъектив-

ному плану и не разложимый на его элементы. Этотъ второй планъ бытія необходимо различить и увидѣть на подобіе того, какъ человѣкъ уже научился различать и видѣть *пространственныя* вещи изъ за *протяженныхъ* субъективныхъ содержаній, коррелятивно и сходноименно съ ними связанныхъ. Въ этомъ второмъ планѣ и обстоятъ духовные предметы; они обстоятъ по другому способу, чѣмъ субъективныя содержанія и потому мыслятся и познаются въ другихъ, особыхъ категоріяхъ.

Такъ, разные люди въ различныя времена то мыслили *идею тождества*, то не мыслили ее; имѣя ее въ виду, относили къ ней многоразличное, часто ошибочное; сама же идея тождества не становилась отъ этого ни эфемерною, ни многоразличною, ни вздорною. Точно такъ же: различные люди въ различныя времена то переживали естественное право, то *не* переживали его; обращались къ нему невѣрнымъ или полувѣрнымъ актомъ, приписывали ему несоотвѣтственное, нарекали его именемъ свои выдумки и увѣряли другихъ и себя, что это такъ и есть на самомъ дѣлѣ; а само естественное право отъ этого не улетучивалось и не искажалось, не становилось ни призракомъ, ни произвольно мѣняющимся вздоромъ. Тотъ, кто думаетъ, что ложное мнѣніе о добрѣ искажаетъ самое добро и что безпредметная фантазія о «божествѣ» придаетъ Богу на самомъ дѣлѣ субъективно-химерическія черты, тотъ обнаруживаетъ только свою полную непричастность духовному опыту.

Напротивъ, тотъ, кто, различивъ впервые своеобразныя предметныя сверканія и слѣды въ субъективныхъ содержаніяхъ, сосредоточится на ихъ категоріальномъ своеобразіи, предастся имъ своею предметною интенціею и доведетъ себя

до очевидности предметнаго бытія, тотъ, осіянный и прожженный этою очевидностью, сохранитъ несомнѣвающуюся увѣренность въ бытіи очевиднаго Предмета. Утвердивъ себя этимъ сущимъ Предметомъ, ставъ его жилищемъ и проявленіемъ, питаясь имъ духовно и какъ бы излучая его изъ себя, душа человѣка впервые измѣряетъ вообще, что значитъ *подлинно быть* и что значитъ вести проблематическое *существованіе* въ видѣ скуднаго, предмето-пустыннаго существа. Вживаясь въ духовный Предметъ, она уподобляется ему, пріобрѣтаетъ по своему его свойства, взращиваетъ въ себѣ новые аттрибуты: такъ, тождество понятія воспитываетъ въ душѣ твердость и вѣрность себѣ, опредѣлительность и прозрачную искренность; такъ, настоящее совѣстное испытаніе всегда уводитъ человѣка къ непосредственному, гране-утверждающему совѣстному поступку; такъ подлинное переживаніе естественнаго права пробуждаетъ въ человѣкѣ художника естественной правоты; такъ, художникъ, одержимый эстетическимъ предметомъ, несетъ въ самомъ себѣ космическую глубину и ширину, и самъ, въ непосредственномъ вдохновеніи, сверкаетъ лучами Предмета; такъ, подлинная молитва подлинно преображаетъ человѣка и внутренно и внѣшне...

Понятно, что душа, онтологически обновленная общеніемъ съ Предметомъ, остро испытываетъ дефективность и неполноту своего личнаго существованія въ прошломъ. Понятно также, что она не можетъ имѣть ни повода, ни основанія, ни склонности къ отверженію объективности духовныхъ предметовъ. Ей легче, естественнѣе, логически пріемлемѣе допустить, что *она сама*, какъ таковая, не реальна, чѣмъ, что они не имѣютъ бытія.

10.

Таковъ тотъ путь, на который должна вернуться философія нашихъ дней для того, чтобы возобновить свое древнее и глубокое дѣло. Это есть путь *возрожденія философскаго опыта*. Здѣсь необходимо возвращеніе къ положительнымъ основамъ знанія: къ *сосредоточенному испытыванію* и *честному, непредвзятому описанію*. Философія должна пройти черезъ эпоху сознательно принятаго и осуществляемаго *духовнаго позитивизма*, съ его послѣдовательнымъ отреченіемъ отъ суевѣрія, предразсудка, безпочвенности, отвлеченной конструкціи и самодовольной дедукціи; съ его вниманіемъ къ данному, къ единичному испытанію, къ воспріемлющему органу и его строенію, къ показующему доказательству и обоснованію.

Предметная философія, вскормленная предметнымъ опытомъ, предметною очевидностью, предметнымъ характеромъ... Вотъ духовное заданіе нашихъ дней! Вотъ одинъ изъ ключей къ современному духовному кризису! Вотъ къ чему мы должны воспитывать сами себя, и другъ друга, и молодыя поколѣнія! И теперь это становится осуществимымъ больше, чѣмъ когда нибудь, ибо окружающая катастрофическая атмосфера, уже разрядившаяся потокомъ страданій, но далеко еще не оскудѣвшая грозными перспективами, будитъ въ душахъ заснувшія глубины и разверзаетъ въ нихъ заброшенныя шахты. А духовно пробужденная душа можетъ сдѣлать многое, что не по силамъ спящей: потрясенная, воспрянувшая, настороженная, она больше, чѣмъ когда нибудь, способна внять предметнымъ голосамъ въ

ночи и отвѣтить на ихъ зовы и знаменованія — пріятіемъ и личнымъ перерожденіемъ.

Понятно, однако, что для добыванія такой философіи нужно вскрыть *пути*, ведущіе къ ней. А это означаетъ, что необходимо возродить настоящую *философическую методологію*; методологію не въ смыслѣ системы отвлеченныхъ правилъ, и не въ смыслѣ гносеологической рефлексіи внѣ отношенія къ предмету; но въ смыслѣ *живого описанія* того, уже пройденнаго, но еще не проторенного творческаго пути, который *навѣрное ведетъ* къ испытанію, увидѣнію и познанію духовнаго предмета. «Ὁδός» значитъ «путь»; «μέθοδος» — путь вослѣдъ чему то, вѣрный путь къ нѣкой цѣли. Нельзя, нелѣпо предполагать, что этотъ путь *уже* извѣстенъ каждому про себя, ибо, если бы это было такъ, то духовнаго кризиса можетъ быть вовсе и не было бы. Но не слѣдуетъ осуществлять этотъ методъ и *молча*, обнаруживая лишь одни итоги, ибо здѣсь необходима взаимная провѣрка и исправленіе, здѣсь необходимо помогать начинающему и неувѣренному въ его затрудненіяхъ...

Вотъ почему философія нашихъ дней, восходя къ древнимъ истокамъ и образцамъ своимъ, должна начать свой познавательный походъ отъ *экзотерическаго ученія о методѣ*. Она должна поставить методологическій вопросъ съ величайшей простотой: что̀ слѣдуетъ сдѣлать со своими тѣлесными, душевными и духовными способностями для того, чтобы испытать и увидѣть въ изслѣдуемой области духовный предметъ? какой комбинаціи душевно-духовныхъ силъ при какомъ направленіи ихъ дается въ этой области духовный предметъ? какъ возможно здѣсь узнать и провѣрить, что предметъ дѣйствительно взятъ? какіе могутъ быть признаки того,

что опытъ состоялся, что очевидность пережита? какъ воспитать въ себѣ вѣрный, неошибочный, или, если угодно, нормальный духовный опытъ въ обращеніи къ истинѣ и понятію, къ праву и государству, къ добру и злу, къ художественности и красотѣ; въ обращеніи къ божественному и Богу?

Отвѣтить положительно и опредѣленно на эти вопросы значитъ развернуть *философію духовнаго опыта*, необходимо предшествующую *философіи самого духовнаго предмета*. Конечно, оторвать другъ отъ друга эти двѣ стороны философскаго изслѣдованія — невозможно; въ эпохи духовнаго полета и расцвѣта въ этомъ, можетъ быть, не бываетъ и надобности. Однако исторія философіи знаетъ такія ученія, которыя почти не доходили до второго заданія и такія ученія, которыя обходили молчаніемъ первую задачу. Наше время, время духовнаго упадка и разложенія, время релятивизма и нигилизма, требуетъ предварительнаго и самостоятельнаго подхода къ первому заданію: ибо какъ же возможно изслѣдовать предметъ, потерявъ или забывъ пути, ведущіе къ нему? можно ли подразумѣвать наличность и вѣрность опыта у со-изслѣдователя, если онъ самыми отрицаніями своими свидѣтельствуетъ объ отсутствіи его? Нѣтъ, здѣсь необходимо заново изслѣдовать составъ и строеніе вѣрнаго или нормальнаго духовнаго опыта; не для того, чтобы создать *психологію* духовной культуры, изучающую фактическій составъ душевныхъ переживаній у опредѣленныхъ индивидуумовъ, группъ или народовъ; но и не для того, чтобы выдвинуть чисто *нормативное* построеніе, трактующее о должномъ независимо отъ дѣйствительности. Философія духовнаго опыта будетъ имѣть въ виду нормальный,

здоровый, и, въ высшемъ достиженіи, *идеальный* духовный опытъ, который не разъ уже осуществлялся и будетъ не разъ еще осуществленъ въ исторіи человѣческой духовной культуры. Бывало такъ, что идеальный духовный опытъ осуществлялся совсѣмъ не философами и не въ философіи, а великими художниками, героями, святыми, пророками, или такими, которыхъ народы узнавали и признавали, или такими, которые оставались безвѣстными предметовидцами; но бывало и такъ, что его осуществляли именно философы, которые или разсказывали объ этомъ опытѣ, или прямо излагали его предметные результаты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ *идеалъ* оказывался осуществившимся *фактомъ*, а наличный фактъ *являлъ одержимость человѣческаго духа предметною очевидностью*. Всѣ эти явленія образуютъ какъ бы единую, великую сокровищницу духа; или его пантеонъ; или горный хребетъ человѣческой духовной исторіи. Обращаясь къ этимъ явленіямъ, современный философъ долженъ осуществить *научно-художественную* реставрацію этихъ персональныхъ очаговъ духовнаго опыта; не въ видѣ жизнеописанія великихъ людей, но въ видѣ постиженія и *усвоенія* того духовнаго *опыта*, черезъ который воспринимался Предметъ и, далѣе, для *описанія Предмета*, вновь самостоятельно воспринятаго изслѣдователемъ черезъ усвоенный имъ опытъ отжившаго генія. Такъ, сила предметнаго опыта, осуществленнаго прошлыми вѣками, должна быть собрана, осмыслена и претворена новыми поколѣніями — въ новое и самостоятельное воспріятіе Предмета.

Вотъ почему первая и основная задача современной философіи состоитъ въ созданіи *новой философической мето-*

дологіи, — новой и, въ то же время, по бытію столь древней...

Необходима новая философія *научной очевидности*, отправляющаяся отъ пересмотра идей *метода* и *доказательства* и освобождающая науку отъ порабощенія чувственному воспріятію; это необходимо для того, чтобы осмыслить гибельный фантомъ противорелигіозной науки и трагическую немощь противонаучной религіи; чтобы развязать предметныя крылья и наукѣ и религіи, и помочь ученому возродить въ себѣ созерцаніе *своего* предмета при свѣтѣ великихъ *духовныхъ* Предметовъ.

Необходима новая философія *правосознанія* и *государственности*, чтобы осмыслить единую, священную природу права и благородную, но трагическую природу политики; чтобы измѣрить паденіе современнаго государства и помочь человѣчеству возродить предметное общественное строительство.

Необходима новая философія *совѣсти* и *доброты*, чтобы вновь увидѣть живое тождество *добродѣтели* и *ума*; чтобы измѣрить бѣду современнаго нравственнаго индифферентизма; чтобы помочь человѣчеству побороть въ себѣ извращенный вкусъ къ порочности и возродить въ себѣ способность быть *счастливымъ* въ *добротѣ* и быть *добрымъ въ несчастіи*.

Необходима новая философія *эстетическаго воспріятія* и *художественности*, чтобы вновь утвердить власть эстетическаго предмета и подчиненность эстетической матеріи; чтобы возстановить священное назначеніе искусства, вызвать къ жизни очистительную художественную критику и великое предметное искусство; чтобы помочь человѣку стать мудрымъ въ непосредственности, стать цѣльнымъ въ вещественности, стать прекраснымъ гіероглифомъ божественности на землѣ.

Наконецъ, необходима новая философія *религіозности* и *откровенія*, чтобы вновь открылось замкнутое око человѣческое, по старому пріемля Бога и по новому пріемля міръ; чтобы освѣтились современныя религіозныя паденія и блужданія и чтобы въ религіозномъ обновленіи душъ возобновилось одинокое боговидѣніе и соборное богоутвержденіе.

Философское ученіе о духовномъ опытѣ должно быть осуществлено и осуществится, если не нашимъ поколѣніемъ мыслителей, то нашими ближайшими потомками. Они найдутъ въ себѣ тотъ безтрепетный умъ, который не убоится глубины; то глубокое чувство, которое превратитъ философію въ духовное художество; то художественное видѣніе, которое найдетъ для себя новыя, небывалыя слова. Они вложутъ въ это дѣло ту умудренную энергію характера и ту преданность духовному Предмету, которыя дѣлаютъ философію *подлиннымъ богослуженіемъ*.

Тому залогъ — паденія и страданія нашихъ дней.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Soc. Anon. Imprimerie de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris.